

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**

Уральский гуманитарный институт
Кафедра русской и зарубежной литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ПРОЗА Н. ЗАБОЛОЦКОГО: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Научный руководитель: Снигирева Т. А.,
д.филол. н., профессор

подпись

Нормоконтролер: Качков И. А.,
ст. преп.

подпись

Студент группы УГИМ-220011
Аксенова Анастасия Евгеньевна

подпись

Екатеринбург

2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Поэт-филолог	15
1.1. Литературно-критические статьи	15
1.2. Статьи о мастерстве перевода	28
Глава 2. Эпистолярное наследие	41
2.1. Дружеские и семейные письма	43
2.2. Письма о литературе	48
2.3. Письма из заключения	59
Глава 3. Автобиографическая проза	67
3.1. Жанровая специфика автобиографической прозы	67
3.2. «Автобиография» (1948 г.)	70
3.3. «Ранние годы» (1955 г.)	74
3.4. «История моего заключения» (1956 г.)	84
Заключение	93
Список использованной литературы	95

Введение

Н. Заболоцкий является одним из классиков поэзии XX века. Его принято считать поэтом-мыслителем, поэтом-философом. Поэзия Николая Заболоцкого – синтез нового и традиционного. Исследователи видели поэта по-разному: поэт, вошедший в учебники и хрестоматии советской эпохи; поэт-новатор, ищущий новый путь и новые формы поэзии. Полярные по сути определения являются частью целого. Н. Заболоцкий – поэт, вечно размышляющий над устройством мироздания, над истиной, всегда ускользающей от творца: «Я, поэт, живу в мире очаровательных тайн. Они окружают меня всюду»¹.

Н. Заболоцкий, требовательный к себе и к миру, сознательно сохранил только тот свод произведений, который, по его мнению, способен передать мировоззрение самого автора: «Человек должен стать личностью, а личность свою нужно создавать самому»². Многие вспоминают о Заболоцком как о человеке «глубокой мысли и глубокого чувства»³, у которого «все выражалось в слове. А слово было для него не только элементом речи, но как бы орудием какого-то действия, свершения»⁴. Заболоцкий стремился писать не столько отдельные стихотворения, сколько книгу жизни. Никита Заболоцкий, сын поэта, вспоминал: «Он не может отягощать свою кочевую, тревожную жизнь архивом <...> А потом, после его смерти, начнут копаться в его грязном белье... Испортят его книгу жизни»⁵. Однако для более глубокого анализа поэзии и личности Н. Заболоцкого необходимо исследовать все литературное наследие, в том числе и прозаическое, которое было сохранено во многом благодаря усилиям семьи поэта. Приведем один эпизод из жизни Заболоцких, который доказывает всю ценность сохранения архива поэта. После заключения Н. Заболоцкий решил перепроверить все свои рукописи.

¹ Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. М., 2019. С. 606.

² Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 15.

³ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 180.

⁴ Там же.

⁵ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 479.

Черновики он начал сжигать, в том числе и автографы до 1938 года, которые все эти годы хранила его жена Екатерина Васильевна: «Горько опечалилась Екатерина Васильевна, узнав, что с таким трудом и любовью сохраненные бумаги мужа оказались уничтоженными. <...> Муж не захотел понять или не посчитался с тем, что в этих папках была целая эпоха и ее жизни»⁶. Именно благодаря Екатерине Васильевне, которая сберегла сотни писем из заключения, ныне они опубликованы, письма раскрывают движение мысли, чувств и переживаний поэта. Однако архив прозаических произведений долгое время не был открыт исследователям.

Лишь в последние 20 лет были опубликованы избранные прозаические произведения поэта. В первом наиболее полном на тот период сборнике избранных произведений Н. Заболоцкого, состоящем из двух томов⁷, со вступительной статьей Н. Степанова 1972 года был опубликован поэтический свод. Уже в предисловии Н. Степанов упоминает прозаические произведения поэта для уточнения замысла, содержания и мотивов книг стихов.

Впервые в 1981 году был опубликован автобиографический очерк Н. Заболоцкого «История моего заключения» или первое название «Как меня были» в переводе Робина Милнер-Галланда (британский литературовед, изучающий историю русской литературы XX века, в том числе творчество Н. Заболоцкого) на английский язык в журнале «The Times Literary Supplement»⁸. В 1980-е годы, в эпоху перестройки, из-за ослабления цензуры «История моего заключения» печатается на русском языке в альманахе «Минувшее: Исторический альманах» 1986 года⁹.

В 1983 году было издано собрание сочинений Н. Заболоцкого, составителями которого стали Екатерина Васильевна и Никита Николаевич Заболоцкие¹⁰. В этом собрании впервые опубликованы литературно-

⁶ Там же.

⁷ Заболоцкий Н. А. Избранные произведения. М., 1972 : в 2 т.

⁸ Zabolotsky N.A. The story of my Imprisonment // Times Literary Supplement. 1981. 4097. P. 1179-1181.

⁹ Заболоцкий Н. А. История моего заключения // Минувшее: Исторический альманах. 1986. 2. С. 310-333.

¹⁰ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983 : в 3 т.

критические статьи и письма, содержащие историко-литературную проблематику.

Письма в заключении, которые именуется «Сто писем 1938-1944 года»¹¹, печатаются в 2012 году в Тихоокеанском альманахе «Рубеж», хотя начало публикации писем было положено в 1972 году, когда в составе двухтомника стихотворений, был напечатан очерк из писем в заключении «Картины Дальнего Востока»¹².

И только в 2014 году, благодаря исследователю И. Лощилу в одномтомном собрании сочинений вошли все стихотворения и поэмы, а также обнаруженные в архивах избранные статьи и автобиографическая проза¹³.

В связи с длительным и сложным путем публикации прозаических произведений исследователи не могли рассматривать прозу Н. Заболоцкого системно и основательно. Однако ученые эпизодически обращаются к прозе Н. Заболоцкого, в большей степени в качестве преамбулы к поэтическому наследию. Например, И. Ростовцева во вступлении к своей монографии пишет об автобиографической прозе: «“Страницы жизни” в ней явно уступают “страницам творчества”. Это сделано сознательно»¹⁴. А. Македонов дает более подробную характеристику прозы поэта, сравнивая её с прозой А. Чехова и И. Бунина: «Проза самого Заболоцкого во многом близка и чеховской и бунинской <...> прослеживалось не только опыт русской поэзии, но и ряд традиций русской прозы»¹⁵. Данная характеристика составила всего один абзац из всей монографии ученого.

В некоторых исследованиях упоминаются конкретные прозаические произведения поэта. Например, возможно, в единственной статье, посвященной автобиографической прозе Н. Заболоцкого, И. Лощилова рассматривается три главных автобиографических очерка поэта («Автобиография», «Ранние годы», «История моего заключения»), каждый из

¹¹ Заболоцкий Н. А. Лагерные письма // Рубеж: Тихоокеанский альманах. 2012. 12. С. 240-300.

¹² Заболоцкий Н. А. Картины Дальнего Востока // Избранные произведения. 1972. С. 224-227.

¹³ Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. М., 2014. 954 с.

¹⁴ Ростовцева И. И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 15.

¹⁵ Македонов А. В. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 43.

которых «может быть отнесен к шедеврам прозы XX столетия»¹⁶. Никита Заболоцкий делится замыслом написания воспоминаний отца как жизненно необходимым для переосмысления прошлого. Н. Степанов в предисловии к трех томному изданию определяет в автобиографии Заболоцкого зарождение основных направлений мысли первой книги стихотворений «Столбцы»¹⁷. А. Павловский характеризует «Ранние годы» как соединение музыкального и живописного¹⁸, а Н. Корниенко находит в них отзвуки пушкинского наследия¹⁹. Д. Лихачев актуализирует научное значение статьи Н. Заболоцкого о «Слове о полку Игореве»²⁰. А. Македонов характеризует письма из заключения и автобиографическую прозу как «прекрасные образцы художественной прозы»²¹.

Актуальность темы. Публикация некоторых работ литературно-критического характера, избранных писем и автобиографических очерков стимулирует их дальнейшее исследование, что на данный момент не было совершено систематически, хотя значимость прозаического наследия, как явления наследия поэтического, осознавалась учеными. А. Македонов писал о «Ранних годах»: «<...>Вот одно из таких впечатлений, составляющих исходный жизненный “фонд” его поэзии»²². Благодаря такому «фонду» возможно более точно и глубоко определить уникальность видения поэтом мира. И. Ростовцева пишет: «Опыт Заболоцкого учит видеть не только результаты, но и те подступы, подходы, переходы, в эстетической системе, на которые в процессе развития строится, рождается, углубляется поэтический образ»²³. Проза поэта – одновременно возможность

¹⁶ Лощилов И. Е. Автобиографическая проза Н. Заболоцкого и проблемы ее комментирования. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_2_6

¹⁷ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С.8.

¹⁸ Павловский А. Поэтическая «натурфилософия». Очерки. Л., 1984. С. 65.

¹⁹ Корниенко Н. В. И любовь, и песни до конца. Лирика Заболоцкого и песенные контексты советской литературы. М., 2005. С. 132.

²⁰ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С.644.

²¹ Македонов А. В. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 217

²² Там же. С. 254.

²³ Ростовцева И.И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 9

эксперимента в поэтическом языке (расширение форм и способов выражения поэтической мысли) и необходимость «объяснить себя»²⁴.

Новизна работы определяется попыткой системного жанрового анализа прозы Н. Заболоцкого, в ходе которого определяется ее характер и глубинная связь с поэтическим творчеством, а также позволяет осуществить дальнейшее изучение прозы поэта по крайней мере в аспекте изучения вариантов связи поэтического и прозаического письма в рамках одного творческого волеизъявления.

Теоретическая значимость заключается в том, что исследование позволяет уточнить понятие «прозы поэта».

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать ее материал в изучении как поэзии Н. Заболоцкого, так и в истории и теории русской поэзии.

Объектом исследования является проза Н. Заболоцкого.

Предметом исследования – жанровые варианты прозаического наследия поэта.

Цель заключается в анализе специфики прозы поэта в трех жанровых вариантах: литературно-критические статьи, письма, автобиографическая проза.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Осуществить жанровую типологию прозы Н. Заболоцкого.
2. Определить жанровую специфику статей.
3. Классифицировать эпистолярное наследие поэта.
4. Выявить связь эпистолярия с жанрами прозы.
5. Охарактеризовать жанровую специфику автобиографической прозы.
6. Проследить реализацию авторского «Я» в жанровой системе прозы

Основной **метод** исследования – историко-литературный, с активным подключением жанрового, проблемно-тематического и мотивного анализов.

²⁴ Бродский И.А. Поэт и проза. URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/poet-i-proza-1979.html>

Историко-литературной основой работы стали исследования, посвященные истории и теории русской поэзии: от Ю. Лотмана, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, до М. Гаспарова, Л. Гинзбург, Н. Лейдермана. Активно подключен корпус исследований, посвященных творчеству Н. Заболоцкого: С.С. Бойко, Т. А. Бек, И. Е. Васильева, С.А. Ермолинского, Т.В. Игошева, С.В. Кековой, Н.В. Корниенко, Е. В. Красильниковой, И.Е. Лощилова, А.В. Македонова, А.И. Павловского, М.Ф. Пьяных, И. Б. Роднянской, И.И. Ростовцевой, А.М. Туркова и др.

Основой жанрового анализа являются исследования, посвященные прозе поэта, таких ученых, как И.А. Бродского «Поэт и проза», Т.В. Васильевой «Жанровый синтез в русской классической прозе конца XIX – начала XX вв» (автореферат диссертации), Д.С. Данина «Два слова о прозе М. Цветаевой», Н. Л. Лейдерман «Теория жанра», Е. Г. Иващенко «Эволюция литературного билингвизма в творчестве В. Набокова» (автореферат диссертации), Ю.М. Лотмана «Путь Пушкина к прозе», Б. С. Мягкова «Булгаковская Москва. Тайны “Тайного друга” и “Театрального романа”», Ю.Б. Орлицкого «Стих и проза в русской литературе», Ю. Н. Тынянова «О композиции “Евгения Онегина”», В. Шмида «Проза и поэзия в “Повестях Белкина”», Б.М. Эйхенбаума «Путь Пушкина к прозе», Р. О. Якобсона «Заметки о прозе поэта Пастернака».

Были изучены теоретические исследования, посвященные эпистолярию: Н. В. Доминенко «Спорные аспекты теории авторского литературного письма», Е.В. Коробовой «Жанр письма в русской литературе», О. П. Фесенко «Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс».

Исследования об автобиографической прозе: Е.А. Ивановой «Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии», Р. А. Гумерева, Г. Н. Кулагиной, Н. П. Ячиной «“Автобиографикции” как отражение духовной атмосферы в России в начале XX в.», Н. А. Николиной «Поэтика русской автобиографической прозы», Н. М. Мокрецовоной «Особенности репрезентации воспоминаний в дискурсе автобиографической

прозы», А. А. Пелиховой «Личностная самоидентификация в автобиографической прозе О. Мандельштама и Б. Пастернака», Ю.Л. Сапожниковой «Жанр автобиографии: понятие и особенности».

Концептуально-понятийное поле исследования

Для понимания специфики прозы такого поэта, как Н. Заболоцкий, необходимо было понять, что сближает ее с традиционным пониманием явления «проза поэта», а что отдаляет. Проза поэта – особый способ представления мысли художника.

В связи с ростом интереса к личности творца проза поэта начинает активно проявляться в первой половине XX века и прежде всего связана с такими именами, как А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, М. Кузмин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Цветаева. Прозе поэта характерно совмещение лирического и эпического начал. Однако здесь поднимается следующий вопрос: насколько же лирика и эпос, проза и поэзия отличны друг от друга? Исследователи опровергают версию разграничения прозы и поэзии в форме выражения и форме содержания. Ю. Тынянов пишет: «Было бы поспешным заключать, что прозаический и стихотворный виды отличаются тем, что в стихах исключительно важную роль играет внешний знак слова, а в прозе столь же исключительную роль играет его значение»²⁵. Хотя граница между прозой и поэзией существует, взаимодействие и взаимопроникновение возможно. Например, Ю. Лотман отмечает, что проза соединяет в себе высокое искусство и реальность, а это за собой предполагает эстетическое восприятие прозы лишь в связи с поэзией: «Проза – явление более позднее, чем поэзия, возникшее в эпоху хронологически более зрелого эстетического сознания. Именно потому, что проза эстетически вторична по отношению к поэзии и воспринимается на ее фоне, писатель может смело сближать стиль прозаического художественного

²⁵ Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина». URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/tynyanov-o-kompozicii-evgeniya-onegina.htm>

повествования с разговорной речью, не боясь, что читатель утратит чувство того, что имеет дело не с действительностью, а с ее воссозданием. Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту и близость к обычной речи, проза эстетически сложнее поэзии, а ее простота вторична»²⁶.

При таком сближении происходит обогащение как прозы, так и поэзии, более явленным сути творчества поэта и его личности: «В прозе поэта все стадии процесса явлены чрезвычайно крупным планом»²⁷.

Исследователи выявляют несколько причин обращения поэта к прозе. Определяющими становятся размышления М. Цветаевой, для которой проза поэта – способ проявления творческого мастерства художника: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур. Два вопроса: сумеешь ли ты и без пурпура быть царем (и без стиха быть поэтом)? Сумеешь ли ты им – царем или поэтом – не быть? Есть ли поэт (царственность) – неотъемлемость, есть ли поэт в тебе – суть?»²⁸. А. Саакянц в предисловии к сборнику прозы М. Цветаевой пишет: «Ее (Цветаеву) влечет та свободная форма повествования, которая в наши дни приобрела большую популярность. Проза, вбирающая в себя всю необозримую и необъятную жизнь в различных ее проявлениях. Размышления, диалоги, сценки, сентенции – все перемешано в такой прозе, свободная, не стесненная границами и условностями жанра»²⁹.

Другая причина – это эволюция языка поэта. Р. Якобсон отмечает: «Параллельно тому, как растет автономность литературного призвания Пастернака, его язык перестраивается: романтический и эмоциональный в своем начале, он становится языком об эмоциях, и этот описательный аспект находит самое яркое выражение в прозе поэта»³⁰. Следующая причина – избавление от повторного звука. И. Бродский, говоря о М. Цветаевой и О. Мандельштаме, указывает на определенность, повторность формы поэтической организации: «Мандельштам, как поэт внешне более

²⁶ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1996. С. 38.

²⁷ Бродский И. А. Поэт и проза. URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/poet-i-proza-1979.html>

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

формальный, чем Цветаева, нуждался в избавляющей его от эха, от власти повторного звука, прозе ничуть не меньше, чем она с ее внострофическим – вообще вностиховым – мышлением, чья главная сила в придаточном предложении, в корневой диалектике»³¹.

И наконец, выход поэта к прозаическому письму обуславливается необходимостью переосмысления опыта прошлого: «Проза – проработанная в слове жизнь. То есть, как всякое завершение, уже над-жизнь»³². При этом возвращение к прошлому художественно, это взгляд поэта, у которого «мысль и слово рождаются одновременно»³³, что приводит к спрессованности речи.

Исследователи выделяют несколько признаков прозы поэта. 1.Повышенная эмоциональность. 3. Яркая поэтическая образность (в том числе метафоричность). 4. Фрагментарность/монтаж. 5. Отсутствие пространных вступлений, быстрая смена событийного плана, смена временных пластов, субъектов и объектов действия и речи. 6. Особая ритмическая организация.

Классическим примером прозы поэта является проза М. Цветаевой. Даниил Данин отмечает: «“Мой Пушкин” – это проза необычная: проза поэта. И необычайная – проза о поэзии»³⁴. Приведем фрагмент из очерка в качестве примера: «Стихи длинные и начала я высоко, сколько руки достало, но стихи, по опыту знаю, такие длинные, что никакой скалы не хватит, а другой, такой же гладкой, рядом – нет, и все же мельчу и мельчу буквы, тесню и тесню строки, и последние уже бисер, и я знаю, что сейчас придет волна и не даст дописать, и тогда желание не сбудется – какое желание? – ах, к морю! – но значит уже

Александр Сергеевич Пушкин

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Данин Д. Два слова о прозе М. Цветаевой. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/moj-pushkin.htm>

– и все смыто, как языком слизано, и опять вся мокрая, и опять гладкий никакого желания нет? но все равно – даже и без желания! я должна дописать до волны, все дописать до волны, а волна уже идет, и я как раз еще успеваю подписаться: шифер, сейчас уже черный, как тот гранит...»³⁵.

Очерк «Мой Пушкин» ритмизирован, исповедален, ему характерна звукопись, членение целого на фрагменты через использования знаков препинания, концентрация символических образов и цветописи – произведение организовано как динамическое целое, в котором выражена притягательность А. Пушкина и М. Цветаевой, доходящей до отождествленности двух образов.

Возвратимся к творчеству Н. Заболоцкого. Проза Н. Заболоцкого не входит в рамки классического представления о прозе поэта. Она документальна, фактологична, однако в ней отражаются свойства, характерные и прозе, и поэзии поэта – осмысление бытия через исследование конкретных форм, конкретных предметов, «сознание высокой миссии поэта»³⁶, «умение судить себя и критически подходить к созданному»³⁷.

Существует сравнение М. Булгакова прозы и драматургии как правой и левой руки пианиста. Руки пианиста не могут друг без друга, потому что они дополняют друг друга и создают полную композицию произведения. Б. Мягков писал: «И действительно, творческое наследие Булгакова напоминает такую “партитуру”, где драматургия по форме аналогична его прозе, а прозаические произведения близки к формам драматургическим, и именно они в первую очередь поэтому легко и охотно инсценируются»³⁸.

В продолжение сравнения «правой» и «левой» рук М. Булгакова, то же встречаем у Н. Заболоцкого. Поэзия, ведущая основную тему, сосуществует с критическими статьями и письмами, на которых поэт оттачивал свое мастерство, свою идею. В прозе явлена эволюция мысли поэта, а также

³⁵ Там же.

³⁶ Ростовцева И. И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 18

³⁷ Там же.

³⁸ Мягков Б. С. Булгаковская Москва. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/bulgakovskaya-moskva/p5>

многоликость авторской личности Н. Заболоцкого. Проза становится прозой критика-теоретика и прозой переводчика. Статьи филологического характера направлены на размышления об явлениях литературы и через них взгляд на собственное творчество. Н. Заболоцкого интересует вопрос развития литературы и вопрос, затрагивающий переводческую деятельность.

Проза Н. Заболоцкого есть проза поэта, но поэта-документалиста. К этому относится эпистолярный, который является ярким свидетельством истории судьбы поэта; автобиографическая проза, для которой характерно стремление к исповедальности и осознанию прошлого.

Структура исследования обусловлена ее главной целью-исследование жанрового диапазона прозы Н. Заболоцкого. Работа состоит из введения, в котором определяются цели и задачи, представлено концептуально-понятийное поле работы; трех глав; заключения и списка использованной литературы, состоящий из источников и исследований в том числе на иностранных языках. Первая глава «Поэт-филолог» включает параграфы «Литературно-критические статьи» и «Статьи о мастерстве перевода». Вторая глава «Эпистолярное наследие» разделена на несколько параграфов: «Дружеские и семейные письма», «Письма о литературе», «Письма из заключения». Третья глава «Автобиографическая проза» состоит из нескольких параграфов: «Жанровая специфика автобиографической прозы», «Автобиография (1948 г.)», «Ранние годы (1955 г.)» и «История моего заключения (1956 г.)». В заключении предоставляется комплекс выводов о проделанной работе.

Апробация исследования

Основные положения были представлены в докладах на научно-практических конференциях разного статуса: на международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», организованной кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург, 27 апреля 2021

года,; на научной конференции с международным участием «Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве» в рамках Восьмых научных чтений «Калуга на литературной карте России», организованной КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, 28-29 октября 2022 г.. Также положения представлены в докладах на международной научно-практической конференции молодых ученых «INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения», проводимой кафедрой русской и зарубежной литературы УрФУ, а именно, на IV конференции, магистральной темой которой являлось «Феномен эготекста», Екатеринбург, 2-3 апреля 2021 г.; на V конференции, посвященной «Эпистолярной литературе: традиционные и современные формы», Екатеринбург, 8-9 апреля 2022 г.; на VI конференции, тема которой была «Автобиографизм в художественной и документальной литературе», Екатеринбург, 7-8 апреля 2023 г.; на VII конференции, посвященной «Дневникам, записным книжкам, письмам в литературе и культуре», Екатеринбург, 5-6 апреля, 2024 г.

По теме магистерской диссертации опубликованы пять статей³⁹.

³⁹ Аксенова А. Е., Снигирева Т.А. «История моего заключения» Н. Заболоцкого: характер авторской оценки // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург, 2021. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/105873>.

Аксенова А. Е. «История моего заключения» Н. Заболоцкого: факт как фантазмагория // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. 2021. 4. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/100324>.

Аксенова А. Е. «100 писем 1938–1944 года» Н. Заболоцкого как пролог поздней лирики поэта // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. 2022. 5. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/116290>

Аксенова А. Е. Жанровая палитра прозы Н. Заболоцкого // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве. 2022. Часть 1. С. 292-301.

Аксенова А. Е. «Проза Н. Заболоцкого: характер автобиографизма» Н. Заболоцкого // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. 2023. 6. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/123486>

Глава 1. Поэт–филолог

1.1. Литературно-критические статьи

В начале 1920-х годов молодой Н. Заболоцкий по совету двух учительниц Н. Руфиной и Е. Левицкой, которые отметили талант юного поэта, отправляется в центр – учиться. Никита Заболоцкий пишет: «Во многом благодаря им Николай проникся убеждением, что стать подлинным поэтом можно, лишь получив хорошее образование и выработав собственное отношение к миру»⁴⁰. Так, он поступает в Педагогический институт им. А.И. Герцена в Петрограде.

На экзамене путал Емельяна Пугачева и Стеньку Разина, однако с точностью мог перечислить всех символистов. Студент горел желанием учиться и так писал в письме другу М. Касьянову: «Человек есть до безобразия неинтересное существо, если он ни к чему не стремится и, следовательно, не настраивает себя на известный тон, соответствующей его цели»⁴¹. В учёбе будущий поэт не ограничивался только университетской программой, он активно самостоятельно изучал другие дисциплины. Н. Заболоцкий участвовал в институтском литературном объединении «Мастерская слова», где издавался литературный журнал. В редколлегии значится и Н. Заболоцкий, однако тогда он еще подписывался как «Заболотский». Первый и единственный выпуск был издан в 1922 году, эта самодельная тетрадь, сшитая нитками, состояла из 22 страниц плотно напечатанного машинописного текста. Журнал ставил перед собой главную задачу: «пробудить дремлющие творческие силы студенчества»⁴². По воспоминаниям друга М. Касьянова поэт в юности был под влиянием поэтов-символистов прежде всего А. Блока и А. Белого. В этом журнале была напечатана первая статья Н. Заболоцкого «О сущности символизма». Никита

⁴⁰ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 15.

⁴¹ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С. 305.

⁴² Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 20.

Заболоцкий отмечает: «Его статья конспективно сжата, сознательная попытка извлечь полезный урок из опыта предшественников»⁴³.

Главное, что подчёркивает студент, символизм – возможность через субъективное восприятие открыть символ истины: «Нет, это не нищий, не женщина весёлых притонов – то Нужда и Разврат, это – дети Гиганта – Города, это смерть его каменных объятий...»⁴⁴. В статье поэт делает попытку вычленить элементы системы мировоззрения символизма, определить поэта как созерцателя мира: «Вещи спрашивают о своём существовании, и поэт спрашивает о существовании вещей» (555). В рамках такой концепции теория наивного реализма ограничена: «Теория ленивого обывателя» (555), а поэзия реалиста – лишь наблюдение.

Далее автор рассуждает о взаимодействии мира и субъекта познания. Поэт-созерцатель вступает в активное общение с окружающим миром. Мир же состоит из объектов – комплексов чувств, которые содержат в себе бытие мироздания (познающий предметы меньше этого бытия). Желание познать предметы велико. В момент познания субъект и объект создают связь, через которую содержание познания и субъективность познания сливаются. Автор статьи приходит к выводу: разница видения мира заключается лишь в различии переживания мира, поскольку «Бытие является продуктом мыслительной деятельности» (556). Автор представляет символиста в вечном «стремлении к таинственному миру» (557), вследствие чего мир для символиста является совокупностью символов: «Поэзия символиста – поэзия намёков» (557).

Преддверием такой картины мира автор статьи находит в поэзии Эдгара По, Шарля Бодлера, Поля Верлена и «первого истинного теоретика символизма» Стефана Малларме. Все они допускали тайную часть бытия и открывали новое в мире человека. Всех их можно назвать «“Колумбами новых областей” в человеческой душе» (558).

⁴³ Там же. С. 21.

⁴⁴ Здесь и далее цит. по Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. М., 2019. С. 556. с указанием страниц в скобках.

Выделяет автор и русских символистов: К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и А. Белого как мастеров направления, развивших теорию до чистоты и законченности. Однако все временно, в том числе и символизм. Упадок символизма Н. Заболоцкий видит в изображении субъективного мира, а не голоса природы: «Таинственный мир носил в себе резкий отпечаток индивидуальности автора» (559). В статье поэт стремится представить символизм в его философской ценности. Охарактеризовать понятие символизма как явление. Символизм как одно из литературных направлений, если шире, то один из способов осмысления мира, необходим для начинающего поэта, чтобы попытаться найти собственную сущность, найти свой путь. Заболоцкий считает: «Каждое последующее литературное движение обрабатывает предшествующее, вводя на первый план оригинальные положения и литературные формы» (560).

Н. Заболоцкий использовал идеи символизма, образы и приёмы. Никита Заболоцкий отмечает: «Привлекает (Н. Заболоцкого) активное осмысление внешних проявлений жизни, стремление в обыденных вещах и явлениях видеть их внутренние, скрытые связи»⁴⁵. Сам поэт в разговорах с Л. Липавским делится своими интересами: «Символика. Изображение мыслей в виде условного расположения предметов и частей их. Строение картин природы... Доброта – Красота – Истина... Смерть»⁴⁶. И наконец, исследователи обнаружили «у Заболоцкого оригинальное целостное мифопоэтическое мироощущение, ориентацию на тайну мира»⁴⁷. В стихотворениях заметно это мироощущение. Например, ночь в ранней поэзии становится неким новым пространством для выявления истин бытия, поэт, входя в ночь, способен постичь символы мира: «И тосковали соловьи / Верхом на веточке. Казалось, / Они испытывали жалость, / Как неспособные к любви»⁴⁸. Фантасмагоричность мира усиливается именно в ночи: «И всюду

⁴⁵ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 21.

⁴⁶ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 53.

⁴⁷ Стояновский М. Николай Заболоцкий и образный мир русского символизма. М., 2005. С. 173.

⁴⁸ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 30.

сумасшедший бред. / Листами сонными колышим, / Он льётся в окна, липнет к крышам <...> / И ночь, подобно самозванке, / Открыв молочные глаза, / Качается в спиртовой банке/ И просится на небеса»⁴⁹.

В позднем периоде творчества Н. Заболоцкий сохраняет своё отражение иного мира в земном, временном. Снова вечер становится связующим звеном между вселенским и земным. В переходном состоянии природы город распадается на части, которые может запечатлеть только поэт: «Он сложился из скопления / Белой облачной гряды»⁵⁰. В стихотворении чётко выражено участие субъекта, поэт как путешественник в иноземный мир: «Я отправлюсь в путь-дорогу, / В эти дальние края <...> Я открою все ворота / Этих облачных высот»⁵¹. Идея поэта, которую он зафиксировал в статье о том, что возможность вхождения в тайны мира зависит от качества восприятия, доказывается в стихотворении. Возможность получения зелёного луча связана с силой духа человека: «Только тот, кто духом молод, / Телом жаден и могуч, / В белоглавый прянет город / И зелёный схватит луч!»⁵².

После окончания Педагогического института Н. Заболоцкий примкнул к авангардистскому направлению в искусстве. Новые поэтические формы, многозначность смыслов и сращение вещей – вот, что влекло поэта во второй половине 1920–х годов. Новый взгляд на мир поэт видит у авангардистов. В этот период Н. Заболоцкий увлекается революционной живописью, в том числе живописью П. Филонова, о котором писал так: «Люди, животные и растения как бы прорастают на полотне в совместном цветении, переплетаясь своими телами, вырисованными с анатомической обнажённостью. Эта живописность и монументальность сказались и в образной манере Заболоцкого»⁵³. Живописный метод художника совпал с поэтическим методом Н. Заболоцкого: «“Видящий глаз” видит только поверхность предметов (объектов), да и то видит только под известным углом и в его

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 315.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 123.

пределах, но “знающий глаз” видит предмет объективно, т.е. исчерпывающе полно»⁵⁴.

Важной частью в жизни и творчестве поэта стало Объединение реального искусства или ОБЭРИУ, в начале творческого пути участники которого называли себя «чинарями» «Левого фланга».

Объединение стало местом мастеров, контрастирующих с натуралистической школой: «Мы стремимся в основе поэзии видеть конкретные предметы и явления, в которых и через которых выявляется все многообразие жизни. Но видим эти предметы каждый по-своему»⁵⁵. Характерно, что с самого начала Н. Заболоцкий уже не мог принять методы А. Введенского, т.к. видел в них бессмыслицу, граничащую с заумью. Н. Заболоцкий, не принимающий поэзию А. Введенского, пишет открытое письмо «Мои возражения А. И. Введенскому авторитету бессмыслицы». Письмо довольно дерзкого характера. А. Македонов выделяет гротескно максималистский и даже скептический тон высказываний о литературе и поэтах того периода: «Некоторые высказывания Заболоцкого 1926–1933 гг. Поражают своеобразным максимализмом <...> в них смешивается точное изложение действительно характерного для Заболоцкого, и гротескное изображение своих позиций»⁵⁶.

В понимании Н. Заболоцкого стихотворение – живой, идейный комплекс, который наделён множеством аспектов, гармонизирующих между собой, и он отвергает поэтический метод А. Введенского – бессмысленные ряды слов смыслового порядка якобы несут некий смысл. В статье Н. Заболоцкий дает положения, которые больше характеризуют поэтический метод самого автора статьи. Смысловой стержень стихотворения состоит из использования метафоры как средства, а не как самоцели. Метафора, по Н. Заболоцкому, явление необычной связи смысловых слов. Расширение метафоры (то, к чему

⁵⁴ Коновалова А. «Реальное искусство» Н. Заболоцкого и эстетика обэриутов. 2004. http://www.hrono.ru/text/2004/kono12_04.html

⁵⁵ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 63.

⁵⁶ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 41.

шли обэриуты и сам поэт) происходит благодаря расширению ассоциативного круга. Однако автор подчёркивает, метафора есть средство для достижения определённой цели, выражение темы стихотворения. Без цели, т.е. без темы, смыслового стержня, метафора организуется в «самоценную категорию» (562), что ведёт к пустоте. Из сужения фонетических возможностей в поэзии А. Введенского, в частности, автор статьи выводит анемичность стихотворения: «Анемичное лицо – Ваш трюк, Поэт, но я принципиально против него возражаю» (562). Наконец, композиция и тема – стержень любого стихотворения. Без сюжета и темы стихотворение пусто, оно не наделено жизнью, не повествует о жизни. Поэзия А. Введенского – поэзия слепого мастера, вытачивающая фантастическое искусство (562).

Н. Заболоцкий демонстрирует через возражение, через отрицание методов А. Введенского постулаты своего поэтического метода: цельность стихотворений (наличие сюжета и темы), музыкальность (использование всего фонетического многообразия), использование метафоры как средства, но не как самоценную категорию.

Несмотря на непринятии используемых приемов и средств в творчестве А. Введенского, объединение постепенно развивалось. В 1927 г. содружество признано литературной общественностью и стало секцией Дома печати. Обэриуты решили всерьёз заявить о своей деятельности – необходимо написать и опубликовать манифест.

В результате совместного обсуждения был создан манифест обэриутов, напечатанный во втором номере «Афиш Дома печати» 1928 г. Два раздела статьи—«Общественное лицо ОБЭРИУ» и «Поэзия обэриутов» были написаны Н. Заболоцким, который понимал: чтобы общественность обратила внимание на объединение, необходимо печатное провозглашение принципов обэриутов.

«Общественное лицо ОБЭРИУ» – это первое знакомство общественности с объединением. «Кое-где в нем стилизованы, вклеены кусочками, как на

коллаже, стандартные призывы левых школ вчерашнего дня...»⁵⁷, – пишет И. Роднянская. Для объяснения причин возникновения новой группы автор объясняет социальную обстановку страны и подчёркивает устарелость художественных методов предшествующих школ. Он перечисляет новые художественные школы, которые остаются в тени: «Почему Школа Филонова вытеснена из Академии, почему Малевич не может развернуть своей архитектурной работы в СССР, почему так нелепо освистан “Ревизор” Тереньтева» (565). Заболоцкий понимает, что единственно правильного выхода нет, но отмечает несправедливое отношение к «левым» школам. Настаивает на том, что ОБЭРИУ – новый отряд искусства, который «вгрызается в сердцевину слова» (565), и метод обэриутов универсален. А. Македонский отмечает: «В остальных частях декларации, написанных не Заболоцким, повторяется модернистский принцип чистой “экспериментальности”»⁵⁸. Это отличает поэта от других участников объединения. Н. Заболоцкий подчеркивал ценность содержания, темы, смысла, в то время как другие обэриуты обращали внимание на материал, «атмосферу».

Уже в статье «Поэзия обэриутов» автор характеризует художественный метод объединения и отдельно знакомит общественность с каждым участником. Автор вновь повторяет, что из себя представляют обэриуты: «Мы, обэриуты, – честные работники своего искусства. Мы – поэты нового мироощущения и нового искусства» (566). Обэриуты возрождают предмет в его «конкретной мужественной форме» (566). В противопоставлении зауми ОБЭРИУ подчёркивает не разрушение смыслов и ценностей слов (как происходит в зауми, по мнению обэриутов), а рождение смыслов. Художественный метод ОБЭРИУ – метод конкретного материалистического ощущения вещи и явления. Обэриуты очищают слова от «ветхой литературной позолоты» (567), ищут новые форм и смыслы, расширяют и

⁵⁷ Роднянская. И. «Столбцы» Николая Заболоцкого в художественной ситуации двадцатых годов. М., 2006. URL: <https://litved.com/docs/Rodnyanskaya-1-2006-v.pdf>

⁵⁸ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 53.

углубляют смысл предмета и слова: «Посмотрите на предмет голыми глазами, и вы увидите его впервые» (566). Предмет в поэзии выражается в столкновении словесных смыслов. Именно искусство, по мнению обэриутов и самого Н. Заболоцкого, способно расширить горизонты познания предметов и мира вообще.

Данная литературная школа не есть собрание монахов. Ещё в 1926 г. так высказывался Н. Заболоцкий при одной из первых встреч чинарей: «Но наше объединение не монастырь, где все монахи на одно лицо. Мы мастера, а не подмастерья, художники, а не маляры»⁵⁹.

После характеристики художественного метода и объединения автор статьи обращается к участникам новой литературной школы. А. Введенский, разбрасывая предмет на части, выражает видимость бессмыслицы. К. Вагинов создаёт свою фантасмагорию мира, которую «вылепил своими руками и согрел своим дыханием». И. Бахтерев – создатель лирического отображения предмета. Н. Заболоцкий – «поэт голых конкретных фигур, продвинутых вплотную к глазам зрителя» (566), что только уплотняет предмет. Даниил Хармс – мастер столкновения ряда предметов. Б. Левин – экспериментатор прозы. И заключает статью вновь декларацией главной идеи объединения: «люди конкретного мира (обэриуты) должны очищать предмет от истлевших культур» (565).

В декларациях фиксируются основные идеи объединения: стремление к поиску собственного пути, необходимость нового взгляда на мир, нового подхода к вещам, эксперимент с художественным методом и образованием нового метода. Эти идеи выражают свойство поэзии Н. Заболоцкого: уплотнённость предметов, слитность, что рождает новые оттенки смыслов, расширяет и углубляет их.

С 1936 г. Н. Заболоцкий бывает в доме поклонника его творчества А.И. Гитовича, где образовался в скором времени кружок молодых поэтов «Молодое объединение». Никита Заболоцкий пишет: «Гитович подталкивал

⁵⁹ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 63.

Заболоцкого к сближению с официальной литературой <...>, поэт такого масштаба должен быть знаменит, широко печататься и иметь свою школу»⁶⁰. Во время собрания членов «Молодого объединения» Н. Заболоцкий довольно сурово критиковал поэзию молодых авторов, выступая на заседаниях или публикуя статьи в журналах или газетах. В частности, это статьи «Язык Пушкина и советская поэзия» 1937 г. и «Глашатай правды» 1937 г.

В этих статьях А. Пушкин – символ «борьбы за оригинальный русский поэтический язык» (580), основоположник основ языковой системы. Такой А. Пушкин должен стать примером для подражания советскому поэту. Перечисленные требования являются основными законами, к которым апеллирует Н. Заболоцкий: верность себе, стремление к ясности и соразмерности – вот, что должны перенять советские авторы. Н. Заболоцкий, выявляя основные требования А. Пушкина, указывает на их отсутствие у современных советских поэтов. Советскому поэту, «жизнерадостному и приближающемуся к народу», характерен бессистемный подход к поэтическому языку: «разнобой форм, разноголосица вкусов» (582). Отсутствие порядка, фундамента языка приводит к путанице, расщеплению языка на пустоты: «Язык неряшлив, концы строк висят небрежно, целые моря лишней, ненужной, водянистой болтовни» (582). Однако именно система предполагает колорит и объем как форм языка, так и смыслов произведений.

Н. Заболоцкий подчёркивает ценность фольклорного стиля, т.к. именно использование разных стилей языка укрепляет связь поэта и народа – литература народна. Народность литературы приводит автора статьи к идее о литературной критике, а точнее, о достойном принятии замечаний поэтом: «Я всегда был искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место (А. Пушкин)» (585), т.к. критика несёт с собой совершенствование произведения. Сам Н. Заболоцкий однажды после критики молодого поэта обратился к

⁶⁰ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 216.

расстроенному автору со словами «о пользе сомнения у художника, о том, что необходимо растить и холить эти ростки сомнения...»⁶¹.

А совершенствование творчества восходит к осознанному и ответственному отношению поэта к читателю. Публикация только зрелых произведений, относящихся исключительно к самому поэту, является уважением поэта к читателю. Уже в конце жизни Н. Заболоцкий создал литературное завещание, куда он поместил собрание своих стихотворений как итоговый документ поэта. Вот как сам Н. Заболоцкий говорил И. Синельникову ещё в 1928 г.: «Надо писать не отдельные стихотворения, а целую книгу. Тогда все становится на своё место»⁶². Н. Заболоцкий является тем типом художника, который сознательно желает сохранить определённый портрет себя и своих идей. Весь свод произведений серьёзно отобран, черновики и наброски, неудавшиеся работы – все уничтожалось, если не выражало с точностью личность автора.

В этом же 1937 году Н. Заболоцкий пишет статью «Глашатай правды», в которой обращается уже к М. Лермонтову, поэту-трибуну, «поэту-певцу народных радостей и народных печалей» (589). Данная статья – продолжение идеи о народной поэзии. Для Н. Заболоцкого М. Лермонтов является народным поэтом, использующий русский фольклор в своих произведениях: «Певец народных радостей и народных печалей» (589). Основная задача поэта заключается в служении времени и людям. При этом поэт-трибун, как для А. Пушкина и М. Лермонтова, так и для автора статьи, это пророк, способный направлять людей, учить их жизни. В связи с ролью поэта как пророка и глашатая, по Н. Заболоцкому, теория искусство для искусства неистинна.

Длительный промежуток времени поэт не возвращался к своим размышлениям литературно-критического толка. Со второй половины 1930-х годов переводческая деятельность становится ведущей в его творчестве.

⁶¹ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 246.

⁶² Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 105.

Только в конце 1950–х были написаны две статьи перед поездкой в Италию. Итальянские поэты пригласили делегацию советских поэтов в том числе Н. Заболоцкого: «Союз писателей пытался включить в делегацию кого-нибудь другого – “выездного”, но итальянцы оказались настойчивыми: они знали и ценили поэзию Заболоцкого, по преимуществу раннюю, и хотели его участия в творческой дискуссии»⁶³.

«Мысль – образ – музыка» первоначально имела название «Как на мой взгляд нужно писать стихи», первоначально третье слово формулы было «мелодия». Однако автор выбрал окончательную редакцию названия для выступления: мысль – образ – музыка. Авторская идея расположена в начале статьи: «Сердце поэзии – в её содержательности» (648). А далее Н. Заболоцкий расширяет свой тезис. Содержательность зависит от мировоззрения поэта, его мыслительной деятельности и души. Поэт должен видеть тайные значения слов и предметов (то, что мы наблюдали в первой работе поэта, выступающего в роли филолога): «Тот, кто видит вещи и явления в их живом образе, найдут живые и необыденные сочетания слов» (648).

Чтобы уловить содержательность необходимо находить новые сочетания слов. Автор утверждает, лишь в сочетаниях смысла слов рождается художественный живой образ: «Атомы новых смыслов складываются в гигантские молекулы, которые, в свою очередь, лепят художественный образ» (648). Для рождения художественного образа поэт использует все методы – как аналитический, так и синтетический.

Вспомним письмо-возражение А. Введенскому, где одним из постулатов поэзии является звук. В поздней статье Н. Заболоцкий возвращается к этой идее. Слово звучно, именно звучание – «второе неотъемлемое свойство слова» (649). Н. Заболоцкий добивался в своей поэзии именно мелодичности и напевности благодаря и аллитерациям, и звуковым повторам. И снова художественное звучание образует только в сочетании слов. Когда слова

⁶³ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С 508.

«обнимают друг друга, образуют живые гирлянды и хороводы» (649). «Детали-метафоры природы и человеческих переживаний приобретают самостоятельное бытие, предметное и психологическое, как личности или собирательные фигуры»⁶⁴, – пишет А. Македонов. Всё это происходит одновременно в сознании поэта: «Чтобы торжествовала мысль, он воплощает её в образы. Чтобы работал язык, он извлекает из него всю его музыкальную мощь» (649). Чем более согласована работа, тем выше качество. И. Ростовцева обобщает: «Поэзия мысли неотделима от образного, пластического воплощения и непременно должна быть поддержана “элементами звучания”»⁶⁵. В Италии на заседании, посвящённом теме «Поэзия и современность», профессор Анжело-Мариа Риппелино заметил: «Заболоцкий говорит о продуманной, созданной в труде и поту поэзии, о необходимости по десять часов не отходить от письменного стола, о том, что читателю нельзя давать ничего приблизительного, сырого, недоделанного»⁶⁶.

Вторая статья, взятая на выступление в Италии, первоначально называлась «Почему я не сторонник абстрактной поэзии». Н. Заболоцкий отверг первый вариант, изменив на «Почему я не пессимист». В статье определяется роль поэта: он должен показать человеку тайные смыслы мира, прелесть внутреннего содержания вещей: «Вот я сниму плёнку с твоих глаз: смотри на мир, работай в нем и радуйся, что ты – человек!» (651). Результат деятельности поэта – «художественное слово». Именно через слово в сознание проникают внешний и внутренний миры. Автор подчёркивает свою причастность к природе, к людям: «Я – мысль природы и её разум. Я – часть человеческого общества, его единица» (650). В этой формуле выражена суть философского взгляд поэта на мир. За счёт своей связи со всем миром, с животными, растениями поэт способен видеть тайны всего мироздания. Он видит красоту мира и отдельной личности. Впервые автор статьи пишет о

⁶⁴ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 291.

⁶⁵ Ростовцева И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М.: Современник, 1984. С. 134.

⁶⁶ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 646.

человеческом лице как зеркале внутренней жизни. Поэт ощущает здание мысли.

Н. Заболоцкий искренне считал себя оптимистом, но оптимистом надсоциальным. Он верил, что все существа с помощью природы и человека, с помощью их взаимодействия и взаимопроникновения будут сосуществовать в одной системе бытия, развивая и улучшая друг друга. Еще в 1932 году в стихотворении «Осень» поэт декламирует: «В природе откровенной, <...> / есть сила чудная. Бери ее рукой, <...> / обновляй ее частицы – / и будешь ты свободней легкой птицы / среди совершенных рек и просвещенных скал»⁶⁷. Итальянские писатели не поняли Н. Заболоцкого в его оптимизме. Они посчитали, что поэт возлагает «дань советской официальной пропаганде»⁶⁸.

Очевидно, что статьи объединяют в себе как истинные идеи поэта, так и формальное обращение к советскому времени. Автора действительно волновало положение поэта в современности. Возвращаясь к великим поэтам, Н. Заболоцкий говорил и о своих законах языка и литературы: поэт как пророк, язык как прародитель новых веяний, гармония как языка, так и народа и поэта. Но некоторые фрагменты, ориентированные на символы времени (например, «писатель, который с одинаковым совершенством владеет пером и винтовкой» (592)), формальны и объяснимы теми обстоятельствами, которые становились все более опасными для поэта.

Литературно-критические статьи представляют Н. Заболоцкого как поэта-филолога. Благодаря размышлениям о литературе, о разных способах видения мира поэт строит свою собственную концепцию бытия и поэзии. Французский философ Тейяр де Шарден писал: «То, что делает человека современным, – это способность видеть не только в пространстве, не только во времени, но и в длительности <...> и, больше того, способность все рассматривать только в этом аспекте – все, – начиная с самого себя»⁶⁹. У

⁶⁷ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 162.

⁶⁸ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 513.

⁶⁹ Ростовцева И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 43.

поэта есть только он, через самого себя поэт познает мир, а потом делится свои открытием с читателем – такова была цель Н. Заболоцкого.

1.2. Статьи о мастерстве перевода

Н. Заболоцкий известен не только, как поэт, но и как переводчик. Перевод сыграл важную роль в жизни автора, так как долгое время после заключения Н. Заболоцкий прекратил писать стихотворения и занялся переводческой деятельностью. Именно она была широко признана современниками поэта, когда собственные стихотворения почти не печатались.

Переводы поэта разнообразны: сербский эпос, старая немецкая поэзия, венгерская поэзия, итальянская поэзия, восточная поэзия. Кроме этого, Н. Заболоцкий замыслил о своде русских былин, а также создал переложения Франсуа Рабле, Джонатана Свифта, Шарля де Костера. Но особое место занимает перевод поэзии народов СССР. Это переводы украинской поэзии, белорусской поэзии, грузинской классической поэзии и перевод «Слова о полку Игореве». Переводы Н. Заболоцкого есть «энциклопедия и образец поэтической дружбы народов СССР»⁷⁰. Для поэта переводческая деятельность содержала в себе особое знание, которое Н. Заболоцкий стремился открыть для себя. Поэт-переводчик не только переводит произведения, но и занимается публикацией статей о переводческой деятельности. Данные статьи значимы не только для понимания его переводческой деятельности, но и для теории перевода в целом.

Ряд статей, посвященные переводческой деятельности, можно разделить на две группы: статьи, посвященные авторам оригиналов («Шота Руставели и его поэма» 1938 г., «Давид Гурамишвили» 1955 г., «Мудрость Руставели» 1958 г.) и статьи о переводе, о роли переводчика («Рабле – детям» 1935 г., «Заметки переводчика» и «От переводчика» 1957 г.). Основываясь на этом условном делении строим логику данного параграфа.

К концу 1930–х годов из-за пристального внимания со стороны власти Н. Заболоцкий вынужден в выступлении «Статьи “Правды” открывают нам

⁷⁰ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 332.

глаза» на пленуме Союза писателей подвергать самокритике своё раннее творчество, говоря о разрушающей силе формализма, которое не несёт за собой правду и не близко широким массам. Самоценность вещей – это пустое явление без мысли и исторической перспективы. В вынужденном принятии своих «ошибок» поэт все же отмечает ценность «Столбцов» и замысел поэмы «Торжество земледелия»: «Столбцы» научили пластичности изображения вещей, а поэма несла в себе утопическую мысль о раскрепощении животных, о новом мироустройстве.

Однако Н. Заболоцкий – личность, которой требуется работа, поэтому единственным выходом для поэта стала переводческая деятельность, так как, во-первых, это тяжёлый мыслительный труд и, во-вторых, через подлинники поэт мог передать свои идеи. Нельзя забывать и о том, что Н. Заболоцкому нужно было содержать не только себя, но и свою семью.

Исследователь В. Шошин объясняет выбор перевода грузинских поэтов дружбой с грузинскими поэтами и деятелям, в частности с поэтами Симоном Чиковани и Тицианом Табидзе, путешествием по Грузии, «биографической “тягой к Грузии”»⁷¹. В связи с ростом интереса к грузинской поэзии автор размышляет о переводе и обработке поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Подстрочные переводы Н. Заболоцкий посылал Тициану Табидзе. После поездки в Грузию Н. Заболоцкий договаривается о своей обработке поэмы: «Он (перевод) приносил душевную радость, давал средства к жизни даже позволял надеяться на общественный успех»⁷². Поэт пишет: «Над головой – Руставели, и поделать сейчас ничего не могу»⁷³. Н. Заболоцкого приглашают на юбилей Ш. Руставели в Тбилиси, где он выступает с речью, которая оформилась в статью «Шота Руставели и его поэма».

На протяжении нескольких столетий появившаяся в XII золотом веке Грузии поэма «Витязь в тигровой шкуре» остаётся наиболее ценной для

⁷¹ Шошин В. Николай Заболоцкий и Грузия. СПб., 2003. С. 41.

⁷² Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 254.

⁷³ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С.331.

народа Грузии: «Бессмертная книга великого Руставели <...> Любимая поэма грузинского народа» (592). Автор статьи после пересказа сюжета поэмы определяет ее как гимн великой дружбе и великой любви. Главные темы в творчестве Руставели являются самоотверженная дружба и одухотворенная любовь, храбрость и бескорыстие. Именно это, по мнению автора статьи, запечатлено в поэме: «Горячо любивший свою родину, Руставели оставил ей книгу, исполненную величайшей веры в человека» (595).

Далее Н. Заболоцкий останавливается на описании средневековой действительности, которую Руставели превосходно изображает, не пренебрегая критикой: «Трусость купцов, их жажду наживы, их поведение при дворе своего повелителя» (596). Н. Заболоцкий, давая небольшие биографические сведения о поэте, отмечает передовые взгляды и высокую степень образованности Руставели, что способствовало грузинскому поэту освободиться от предрассудков своего времени. Затрагивая религиозный вопрос, Н. Заболоцкий подчеркивает, что образ Бога для Руставели был «туманным и отвлечённым». В связи с особым, отличным от общества взглядом на мир Руставели уже тогда преследовали, его называли: «Сказителем злых стихов, который учил грузин, вместо святой чистоты, злым порокам, которыми развращал христиан» (596).

Н. Заболоцкого восхищает в Руставели призывы к просвещённости, умение передать народу «мужество, настойчивость к борьбе, верность самому своему слову, дружба с товарищем и высокая одухотворённая любовь» (599). Все эти качества автор статьи ценил в человеке и стремился к ним. В 1956 году отредактированный перевод поэмы был сдан в Гослитиздат. В дальнейшем поэма многократно переиздавалась.

В Москве в 1958 году проходила декада грузинской литературы и искусства, поэтому к декаде было принято решение выпустить двухтомник переводов грузинской классики Н. Заболоцкого. Во время декады Н. Заболоцкий принимал участие в обсуждении поэзии. Благодаря этому событию была сохранена запись голоса Н. Заболоцкого, который читал

отрывки из своего перевода поэмы Руставели. В отрывках Н. Заболоцкий, «вторя Руставели, выразил свое отношение к достойной человека жизни и смерти»⁷⁴. Н. Заболоцкий пишет статью «Мудрость Руставели», в которой рассматривается этическая концепция поэмы. Руставели, образованный и передовой человек, сумел передать гуманистические идеи через уникальные образы героев. Одним из наиболее цельных и вместе с тем противоречивых образов, объединяющий в себе высокие идеалы и земные человеческие страсти, становится витязь Автандил. Особое внимание Заболоцкий обращает на образ земли: «А земля, породившая Автандила, – страшная земля, залитая слезами и человеческой кровью»⁷⁵. Автандил – минджнун, «обезумевший от любви» (637). В понимании Руставели не отрешается от реальности, он разумен и деятелен. Минджнун стремится выйти за рамки действительности, он исследует мир вселенной, дабы обрести знание. И именно Автандил как носитель жизнеутверждающей правды побеждает. Благодаря сопоставлению двух противоположностей: пассивное отрицание зла и единение ради борьбы со злом – Руставели, по мнению Н. Заболоцкого, сумел показать общенародную правду. Образ минджнуна соотносится с самим поэтом. Множество трагедий не смогли подавить волю и веру в будущее. Н. Заболоцкий, стремящийся всё познать, изучающий мир во всех его обликах, как минджнун побеждает своей жизнеутверждающей правдой.

Продолжая переложение свода грузинской классики, Н. Заболоцкий ценил поэзию и личность Давида Гурамишвили. В честь 250-летия со дня рождения поэта была написана статья Н. Заболоцкого «Давид Гурамишвили» (1955 г.).

Автор, характеризуя личность и творчество Давида Гурамишвили, приходит к выводу о том, что поэт есть прямой продолжатель поэзии Шота Руставели. Их связывает движение собственным путём, уникальность мысли и сближение с народом. Трагическая судьба Давида Гурамишвили (неудавшиеся попытки бегства, частые участия в войнах, литературная

⁷⁴ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 518.

⁷⁵ Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. М., 2019. С. 637.

известность среди современников благодаря стихотворным экспромтам и остроумными маджами) не помешала поэту стать достоянием грузинской литературы. «Заболоцкий видел и ценил в Гурамишвили борца за национальную независимость, за народность, за гражданскую поэзию»⁷⁶, – пишет В. Шошин.

Неоднозначное мировоззрение Гурамишвили, объясняет автор статьи, связано с трагическими обстоятельствами в жизни. Сложные отношения между Ираном и Грузией привели к иранскому влиянию в грузинской поэзии: «В литературе Ирана наступил период своеобразного декаданса с его условной, далёкой от жизни тематикой» (621) – некоторые грузинские поэты шли по стопам иранской поэзии. Однако историческое бытописание и обличительный характер произведений совершенно не соотносятся с тенденциями литературы того времени, они слишком прогрессивны. Как писал Н. Заболоцкий: «На своей родине Гурамишвили мог бы стать крупным деятелем освобождения, т.к. сила его художественного слова была необычайно велика» (622). В подтверждении поэт цитирует поэта: «Говорить я буду правду, / Не глашатай я химере. / Недостойных не прославлю, / Не унижусь в лицемерье» (622). Бедствия Грузии для Гурамишвили связаны с грузинской правящей знатю. Именно их поэт обличает («Не смогли цари поладить, – / Зол был каждый и упрям» (623)) и противопоставляет народу. Приближение к народному языку и создание нового размера «гурамули» преобразует грузинское стихосложение и усиливает музыкальность стихов. Описывая трагическую судьбу Давида Гурамишвили, Н. Заболоцкий подчёркивает волю к жизни и утверждение национального искусства, музыкальность произведений: «Его версификация безукоризненна, точна и богата» (631).

Размышления о грузинском поэте соотносятся и с переживаниями самого Н. Заболоцкого. Заключение автора, непризнание, невозможность печататься, инакомыслие – это трагическая судьба поэта. Однако как в самой статье, так

⁷⁶ Шошин В. Николай Заболоцкий и Грузия. СПб., 2003. С. 42.

и в своей жизни автор акцентирует внимание на упорстве и силе, на утверждении собственного пути. В. Шошин отмечает: «Не без влияния грузинской поэзии поэтически-мировоззренческой программой Заболоцкого стали уже в 30-е годы собранность, цельность, единство мира»⁷⁷.

Н. Заболоцкий переводил только тех поэтов, которых уважал: «Не пытайся переводить поэта, которого не любишь и не уважаешь» (643). При этом автор выбирал тех поэтов, которые были близки духовно и мировоззренчески, через творчество которых Н. Заболоцкий мог развить свою собственную поэтическую мысль. А. Македонов отмечает: «Всякий подлинно художественный перевод имеет двойное бытие – бытие переводимого и бытие переводящего. Если переводчик сам представляет собой крупную художественную индивидуальность, то оба эти бытия могут достигать особенной значительности, целостности»⁷⁸.

Первая статья о переводе, написанная Н. Заболоцкий, посвящена французскому писателю Рабле. Ее можно бы было определить в первую группу статей, посвященных авторам оригинала, однако содержание данной статьи полностью устремлено на размышления об языке перевода.

В 1930-е годы Н. Заболоцкий вместе с обэриутами работает в детских журналах «Чиж» и «Еж». Уже в начале 1930-х гг. усугубляются нападки на объединение: «Обэриуты далеки от строительства.<...> Их бессмысленная поэзия <...> – протест против диктатуры пролетариата <...>»⁷⁹.

Данный период становится беспокойным из-за пристального внимания со стороны власти на бывших обэриутов. «Я был причастен к лику нечестивых»⁸⁰, – признается в письме другу Н. Заболоцкий. Напряженная обстановка, нарастающая травля привели Н. Заболоцкого к длительному молчанию. Он перестал писать стихи и полностью ушел в переработку зарубежных произведений и в переводы иностранной поэзии. В 1935 году

⁷⁷ Шошин В. Николай Заболоцкий и Грузия. СПб., 2003. С. 40.

⁷⁸ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 335.

⁷⁹ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 189.

⁸⁰ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С.313.

поэт, занимаясь переложением для юношества книгу Рабле, публикует статью «Рабле – детям».

Поэт подчёркивает важность правильной обработки оригинального произведения, особенно обработки для детей. Обработка должна передавать всю живость оригинала вне зависимости от возраста читателя: «Мы научились разговаривать с детьми серьёзно» (570). В произведении Н. Заболоцкий видит значение, параллель между революционным настроением современности поэта и королевской Франции, а также гуманистический и научный прорывы – все это определяет причину выбора для переработки данного произведения.

Переводчик должен добраться до сердцевины книги, очищая произведения от словесной игры автора и множества приёмов, известных и актуальных только современникам самого Рабле. Осмысление произведения не через формальное сближение с подлинником, а через смысловую связь благодаря языковой системе самого переводчика: «Меня здесь интересовала не формальная точность, а внутренняя близость к Рабле» (571).

Характеризуя композицию и характер персонажей, Н. Заболоцкий подчёркивается ценность динамичного сюжета и цельности характеров героев для извлечения внутреннего смысла книги, а именно «необходимо стремиться к Знанию, к трезвому изучению природы и её законов» (572). Это выражается в изменении или полностью в сокращении некоторых эпизодов книги, или в строго единообразном построении героев («Воинские подвиги приписать одному Гаргантюа, а Пантагрюэлю оставить его учёные занятия и путешествия»⁸¹). В статье Н. Заболоцкий выделяет характер героев, их стремление к знанию, «к усердному чтению, к научному спору, к назидательной беседе» (572) – все то, что ценно для самого поэта. Автор приходит к выводу о том, что обработка текста должна, в первую очередь, пропагандировать великого писателя, завлечь читателя: «Рабле близок нам

⁸¹ Там же.

своей “революционностью”, “независимостью”, полнокровным оптимизмом Возрождения»⁸².

Н. Заболоцкий стремится в языке обработанного текста к простоте и ясности, что характерно и для творчества самого поэта. А выделение главной морали текста Рабле – Знание, природа и её законы – отражает основную мораль самого поэта в тот период творчества. В 1929 – 1933 гг. у Н. Заболоцкого развивались натурфилософские идеи. Упорядоченность, ясность мысли, увлечение учениями о биосфере В. Вернадского, работы К. Циолковского, осознание человека как носителя разума природы и, соответственно, значимость знания. Переводческие тексты поэта соотносятся с его мировоззрением. В каждом подлиннике Н. Заболоцкий находит те идеи, которые близки самому нему. И именно в статьях автор конкретизирует и подчёркивает элементы, сходные с его представлениями.

Одной из вершин творчества Н. Заболоцкого является перевод «Слова о полку Игореве», работу над которым поэт начал еще в 1930-е годы и завершил в 1950-е годы. Уже в 1937 г., работая над переложением поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и размышляя о дальнейших переводах эпоса средневековья, Н. Заболоцкий начал подбирать литературу о «Слове о полку Игореве». 9 декабря 1937 г. поэт отправляет заявку с предложением о сотрудничестве с Детиздатом: «Я хотел бы обработать Слово современным рифмованным стихом, но с сохранением всех основных стилистических особенностей <...> чтобы обработка получилась ясной, точной, выразительной, легко усвояемой и запоминающейся на слух»⁸³. Приближающийся юбилей «Слова» только укреплял возможность сотрудничества. Наконец, издательство заключило договор на издание «Слова о полку Игореве», поэт начал усердно работать. Однако работа была прервана тяжёлыми обстоятельствами – заключение с 1938 по 1945 гг. В конце физической и духовной тюрьмы Н. Заболоцкий вновь, несмотря на

⁸² Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 192.

⁸³ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 219.

опасность и страх, вернулся к переработке «Слова»: «Сейчас этот труд нашёл бы себе ещё более почётное место в литературе, чем когда Вы за него принимались»⁸⁴. В 1946 г. прошло чтение перевода в Москве. Н. Заболоцкий на выступлении сказал: «Я не учёный, а художник. Я стремился к тому, чтобы он легко запоминался, но в это же время не хотел бы, чтобы он был воспринят как вольное переложение Слова»⁸⁵. Перевод стал достоянием читателей. «К переводу “Слова” он относился с особенной самоотверженностью, подвижнически, как к патриотическому и поэтическому долгу, отдавая ему все силы и все время»⁸⁶ – вспоминал Н. Степанов.

Переиздание Слова произошло в 1950–е годы. Д. Лихачев высоко оценил перевод Н. Заболоцкого: «Ваш перевод <...> современное поэтическое восприятие поэзии прошлого»⁸⁷ и предложил несколько исправлений. Результатом длительной работы над Словом становится статья «К вопросу о ритмической структуре “Слова о полку Игореве”». Поэт выступает с докладом о ритмике «Слова» на заседании комиссии по древнерусскому памятнику. Сопоставляя автора «Слова» и Бояна (который пел свои песни под аккомпанемент гуслей), Н. Заболоцкий снова выделяет ценность предшествующей поэтической манеры, организации ритмической структуры, которую автор «Слова» развивает, обогащает. Именно музыкальное исполнение придаёт богатство «ритмических оттенков» и эмоционального многообразия, однако Н. Заболоцкий отмечает в письме 1945 г.: «Мой перевод – дело, конечно, спорное, т. к., будучи рифмованным и тоническим, он не может быть точным и, конечно, внесет некоторую модернизацию. Здесь чутье и мера должны сыграть свою роль. Я спел бы задачу решенной, если бы привнесенные мной черты не противоречили общему стилю, а

⁸⁴ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 350.

⁸⁵ Там же. С. 362.

⁸⁶ Н. Заболоцкий. Из литературного наследия. М., 1969. URL: <https://voplit.ru/article/rabota-n-zabolotskogo-nad-perevodom-slova-o-polku-igorem-kommentarii-d-lihacheva-i-n-stepanova/>

⁸⁷ Там же.

современный стих звучал достаточно крепко, без “переводной” вялости и жвачки»⁸⁸.

В статье раскрывается «Слово» в соотношении с былинами как музыкально-вокальное произведение, утратившее со временем древнерусскую ритмическую структуру. Обращаясь к переводчикам, Н. Заболоцкий утверждает, что для приближения к ритмической структуре того времени необходимо использовать как тоническое, так и силлабо-тоническое стихосложение: «Разбить текст на стихи произвольно и ритмически организовать текст изнутри» (614).

«Заболоцкий “не даёт судьбе победы над собою” и, руководствуясь инстинктом истины, обращается к Началу, проверяя свой творческий путь началом русской литературы – “Словом”»⁸⁹, – пишет А. Смолецкий. «Слово» становится неким символом надежды и силы возрождения поэта.

Размышления о «Слове» и его истоков подтолкнули Н. Заболоцкого к написанию статьи «О необходимости обработки русских былин» (1952 г.).

В предыдущей статье автор, сравнивая былины и «Слово», вычленил основные характеристики двух явлений: сказочная форма исторического события былин и правдоподобность, историчность «Слова»; суммарность былинных героев и индивидуальность героев «Слова»; идеологическое воспитание читателя былин и актуальное политическое воздействие «Слова»; былина – коллективный продукт, «Слово» – индивидуальный. Н. Заболоцкий размышляет о русских былинах как о дидактическом явлении, для которого необходимо произвести отбор и обработку, характеризует былины как ряд художественно целостных произведений русского народа, представляющий разные стадии распада старинного народного творчества. Поэтому обращение к былинам, к восстановлению изначального их вида, создание свода былин становится одной из задач современной литературы: «Создание народа – русские былины должны быть возвращены народу в художественно

⁸⁸ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С.344.

⁸⁹ Смоленцев А. Художественный мир Заболоцкого в контексте Библии. М., 2005. С. 67.

целостном виде» (616). Создается образ художника, который должен заниматься обработкой былин: «Работу над былинами должен выполнить художник слова, поэт, имеющий достаточную научную подготовку и хорошо знающий язык своего народа» (617).

Н. Заболоцкий формирует положения для будущего художника, тем самым определяя сущность былины: самостоятельное и целостное тоническое произведение, несущее народный характер и очищенное от всех современных особенностей литературной речи. Именно такая былина способна стать «произведением книжкой общенародной литературы» (617) и делится своим замыслом: «Хочу дать свод былин как некую героическую песнь, слитую и связную»⁹⁰. Поэт написал былинку «Исцеление Ильи Муромца», намеревался создать свод былин для детей, что поддерживал Д. Лихачёв: «Ваши былины будут самыми русскими, самыми народными, сохраняют в себе всю свежесть полей и пашен Руси, пусть их любят и дети и взрослые»⁹¹. Однако замысел свой не смог осуществить, так как фольклористы-учёные негативно отнеслись к переработке былин на современный язык.

В 1957 году Н. Заболоцкий пишет две статьи-обращения к последующим поколениям, которые объединяют в себе все правила перевода поэта. «Заметки переводчика» – свод заповедей Н. Заболоцкого-переводчика. Первое, что обозначается, это цель перевода, а именно, обогащение культур, взаимодействие между народом, дружба народов. Следующие пункты конкретизируют цель перевода. Перед переводчиком встает большая ответственность, т.к. он должен передать силу произведения, идею автора в точной и естественной манере. Соединение правильности перевода с точки зрения языка и точности передачи смысла – вот к чему должен стремиться автор. Н. Заболоцкий пишет Т. Табидзе: «Я стремлюсь к тому, чтобы перевод звучал как оригинальное стихотворение. Это не значит, конечно, что я

⁹⁰ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 455.

⁹¹ Там же.

допускаю искажение смысла»⁹². В сохранённых записях, не включённых в текст, отмечается, что перевод способен передать не сколько версификацию стиха, сколько «душу стиха», а для этого необходимо уважать и ценить автора подлинника: «Неискренняя поэзия изобличает себя раньше, чем думают многие» (943).

Статья «От переводчика» – вступительное слово к публикации «Главы из поэмы Шота Руставели Витязь в тигровой шкуре». Статья перекликается с Заметками, поэтому многие положения повторяются. Однако в данной статье Н. Заболоцкий выделяет именно образ переводчика. Помня о предыдущих статьях, о заповедях переводчика, можно проследить причины выбора Н. Заболоцким для перевода определенных авторов, творчество которых соотносимо с позицией поэта – борьба с властью, с критикой, защита своего голоса.

Н. Заболоцкий не устает определять основную задачу переводчика; передать существо автора, его мировоззрение через собственный языковой строй, «приближенный к манере автора» (646). Существо поэзии – в мысли, в мировоззрении автора, в строе его образов, нарушать которые переводчик не правомерен. И снова перекличка с первой статьёй поэта «О сущности символизма», где бытие-результат мыслительной деятельности, соответственно, поэзия-результат мыслей, мировоззрения, чувств и переживаний самого поэта.

Таким образом, переводческая деятельность Н. Заболоцкого принесла в русскую литературу не только шедевры мировой литературы, но и сумела выделить основные теоретические законы перевода и вообще поэзии, а также более точно охарактеризовать самого автора. Н. Заболоцкого и авторов подлинников связывает свобода от множества предрассудков своего времени, гонение властью, но сохранение стойкости духа. Центральное место в произведениях занимает человек и народ, проходящие через множество испытаний. Н. Заболоцкого интересует, каким образом или с помощью чего

⁹² Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 334.

возможно пройти через препятствия. Ответ поэт находит в произведениях: это возможно благодаря единению, храбрости и бескорыстию. Через чужую поэзию Заболоцкий познает самого себя.

Н. Заболоцкий как поэт-филолог в своих статьях фиксирует не только свое отношение к тем или иным литературным явлениям, но и раскрывает собственные творческие положения. Для Н. Заболоцкого поэзия – наиболее точное приближение к истине бытия, потому что поэт посредством видения внутренних связей предметов окружающего мира может постичь тайны мира.

Глава 2. Эпистолярное наследие

Н. Заболоцкий поэт, хорошо таивший/скрывающий свою личность в своей поэзии. И. Ростовцева пишет: «Когда открыта (личность автора) для глаза и образа, она уже не воспринимается вне жанра, традиции, вне постоянства высокого эстетического поля, заключающего ее»⁹³. Немного открывает свою личность лишь в зрелые годы, задумывая автобиографическую прозу. Однако в этой прозе поэт не воссоздает все вехи своего жизненного пути. Для реконструкции биографии и характера Н. Заболоцкий необходимо проанализировать эпистолярное наследие.

Исследований об эпистолярной литературе множество, несмотря на это точного определения данного явления не существует. Выделяют несколько форм эпистолярной литературы: эпистолярный стиль, эпистолярный жанр, эпистолярная литература – синтез стиля и жанра. Перед современными исследователями стоит ряд вопросов о природе эпистолярных: «Во-первых, что такое “писательский эпистолярный”: документ частной жизни автора или факт литературы? Во-вторых, как адресант выстраивает свой образ в эпистолярной? В-третьих, существуют ли “жесткие” принципы отбора фактического материала для авторских писем и какое место здесь отведено вымыслу? Наконец, имеет ли авторское литературное письмо свои жанровые подвиды?»⁹⁴.

Эпистолярная литература – уникальное явление, которое по-разному проявляется в наследии автора: «Содержание писем столь же многообразно, сколь многообразно может быть намерение и отношения между лицами, имеющими переписку <...> а сколь многообразно содержание писем, столь многообразны и правила писать их»⁹⁵. Безграничность эпистолярных предполагает многообразие классификаций писем по адресату и целям. Письма могут быть частными, деловыми, публицистическими или философскими. На протяжении веков природа эпистолярная развивалась. С

⁹³ Ростовцева И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 16.

⁹⁴ Доминенко Н. В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма. Симферополь, 2023.

⁹⁵ Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс. Челябинск, 2008.

античных времен письмам характерно дидактическое начало, письма – «часть воспитания»⁹⁶. В то же время письмо выражает личность адресанта, его взгляды, поэтому к написанию письма необходимо серьезно и ответственно подходить: «Всякое письмо, кем бы оно написано ни было, отражает нравственный облик пишущего, мерило его образования. Вот почему следует в переписке быть утонченно-остроумным и твердо помнящим ту святую истину, что по письмам люди метко заключают о моральном достоинстве»⁹⁷. В Средние века письма наделены публицистическим характером, что расширяет эпистолярный как обмен мнением по дискуссионным вопросам. С эпохи Возрождения в письмах передавалось не только дидактическое и публицистическое сообщение, но и размышления душевно-личностного характера. Уже во время эпохи Просвещения письма представляют собой художественную прозу с элементами частной переписки, письма становятся и отражением индивидуально-психологической и индивидуально-творческой жизни. С XVII века развивается художественное начало переписки и формируется жанр эпистолярного романа. В XIX в. эпистолярная литература предстает на основе исторического повествования, наделенного «драматическим элементом»⁹⁸. И наконец, в XX веке переписка выражается в разных формах, в этот период появляются переписки, имеющие историко-культурное значение. Л. Морозова предлагает такое определение эпистолярного жанра: «Особое жанровое образование, которое возникло как способ опосредованного общения и характеризуется наличием специфических жанровых доминант (персонифицированность адресации, четкая структурированность, дейктическая проекция) и имеет культурно-историческое значение в том случае, если корреспондентами являются выдающиеся писатели, исторические личности или общественные деятели»⁹⁹. Жанровые доминанты

⁹⁶ Коробова Е.В. Жанр письма в русской литературе. Курган, 2020.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Доминенко Н. В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма. Крым, 2014.

и содержание писем определяются адресатом, отношением между автором и получателем.

Благодаря теоретической характеристике эпистолярной литературы, письма Н. Заболоцкого можно представить следующими проблемно-тематическими блоками: письма, имеющие историко-литературный интерес, дружеские и семейные письма, отдельно – письма о заключении. Попробуем с помощью анализа эпистолярного наследия доказать, что в письмах отражаются особенности миропонимания поэта и «зачатки» его поэзии.

2.1. Дружеские и семейные письма

Отдельным эпистолярным подтипом в прозаическом наследии Н. Заболоцкого являются дружеские и семейные письма. Первые опубликованные письма адресованы другу детства М. Касьянову. В 1921 году Н. Заболоцкий уезжает учиться в Петроград, откуда молодой поэт делится своими переживаниями по поводу новой жизни: «Присоединяется хроническое безденежье и полуголодное существование. 3 месяца убиты на будущее»¹⁰⁰. Среди бытовых описаний повседневности бедного студента – работа на порту по выгрузке кораблей, работа на лесозаготовке, 3 периода жизни: «I картофельный, II мучной и III – жировой» (300), проблемы со здоровьем из-за голода и стресса («Проклятый желудок требует своих минимумов» (303)) – встречаются философские размышления и описания первых поэтических шагов. Уже в 1921 году поэт выступает на концертах, где впервые видит неоднозначную реакцию слушателей: «Публика относится с удивлением и нерешительно хлопает» (303).

В письмах выражено волнение о друге, что демонстрирует более чувствительную сторону поэта: «Когда Аня Иванова сказала, что ты болен, – меня бросило в пот. <...>дрожа под своим одеялом, долго думал о тебе» (301), «А тебя, Мишка, люблю – ей-богу!» (305). Из-за отсутствия

¹⁰⁰ Здесь и далее цит. Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С. 300. с указанием страниц в скобках.

достаточного времени для написания стихотворений поэт ощущает голод не только физический, но и творческий. И именно этот голод становится более болезненным: «Зато отупел совершенно и плачу над самим собой. Ничего не пишу или очень мало» (300). Поэт, вспоминая о детстве, рассуждает о темах стихотворений, что доказывает характер писем как предтеча стихотворений: «Сегодня я вспоминал мое глубокое детство <...> Можно прославить?» (301).

Именно со своим близким другом Н. Заболоцкий рассуждает о поэзии крупных поэтов, перечисляет авторитетов. В письмах молодой поэт присылает черновики своих стихотворений. Например, «Чувствую непреодолимое влечение к поэзии О. Мандельштама» (303). Исследователи отмечают связь между двумя современниками, А. Македонов пишет: «Пафос углубленного познания, философский лиризм, предметно-символическая манера, стремление синтезировать предметную и даже описательную конкретность с динамическими ассоциациями и широтой поэтического размышления – все это были те тенденции творчества Мандельштама, которые повлияли на поиски Заболоцкого»¹⁰¹.

В письмах поэт перечисляет и тех авторов, которые не близки собственным творческим исканиям: плаксивый и жалостливый Надсон, чуждые Толстой и Ницше. Сложное отношение к Гете, который овладел Н. Заболоцким, но при этом не открывает путь к абсолютной вере, а рождает множество сомнений. Вследствие чего поэт ощущает угнетение: «Так живет и болит моя душа» (304).

В переписке прослеживаются его интересы, ориентированные на стихосложение, эксперименты с языком и структурой. Из опытов других поэт пытается извлечь для собственного видения новые формы и возможности: «Хочется до боли работать над ритмом» (303).

Благодаря новым книгам, новым авторам и собственным творческим порывам вычленяется поэтическое кредо: «Я не витийствую. По крайней мере, не хочу витийствовать» (303). Стремление к мощному смысловому

¹⁰¹ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 117.

стержню каждого слова, каждой строки – вот, что определяло уже в 1920-е годы и что будет определять поэзию Н. Заболоцкого до конца.

Известно, что поэт отождествлял поэзию и жизнь. В переписке Н. Заболоцкий дидактично обращается в большей степени не к самому М. Касьянову, а к абстрактному образу человека с призывом трудиться, достигать целей: «Человек есть до безобразия неинтересное существо, если он ни к чему не стремится» (305). Стремление к лучшему приводит к движению мысли, следовательно, к развитию личности: «Всякая устойчивость глубоко противна человеческой натуре» (305).

Тяготеющие жизненные условия и одиночество развивают губительные меланхолические размышления о смерти. В письмах нередко встречаются «черные строки»: «Томит душу непосредственная бессмысленность существования. Есть страшный искус – дорога к сладостному одиночеству» (303). Однако в переписке присутствуют мечтания о старости, где поэт выделяет изменения не только внешние, но и внутренние: «Сердце у нас будет сонное, чуть тепловатое» (306). А уже в конце жизни поэт напишет цикл «Последняя любовь», где образ стариков преобразуется: «И только души их, как свечи, / Струят последнее тепло»¹⁰².

Спустя 10 лет в письме за 19 сентября 1932 год поэт кратко описывает, что произошло за последние несколько лет после первых писем другу. В первую очередь, он подчеркивает, что заниматься литературой не перестал, о чем свидетельствует первая публикация книги стихотворений «Столбцы» в 1929 году. Описание дальнейшей судьбы книги (критика в адрес самой книги и в адрес поэта) переходит в размышления о самом себе: «Я действительно чем-то отличаюсь от большинства ныне пишущих» (314). С этими строками перекликается мысли поэта о человеческом сердце. Также в переписке с М. Касьяновым Н. Заболоцкий еще в студенческие годы фиксирует мнение соседей о нем как о «несимпатичным полумужике» (304). Поэт приходит к выводу о том, что нужно скрывать свое сердце, себя от большинства: «Пусть

¹⁰² Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 287.

ты будешь для других кем угодно, но пусть руки их не трогают твоего сердца» (304). И вот теперь, уже в 1930-е годы, причисление к лику нечестивых не приводит поэта в отчаяние, он пишет: «У меня много врагов, но много и друзей» (314).

В письмах 1930-х гг. поэт пишет и о личной жизни – о браке и рождении сына. В студенческие годы Н. Заболоцкий познакомился с Катей Клыковой. Тогда дядя Кати отметил молодого человека: «Заболоцкий – это да, это человек самостоятельный, из него толк будет»¹⁰³. В конце 1920-х гг. поэт начинает переписку с Катей Клыковой. Н. Заболоцкий в 1927 г., решившись признаться в своих чувствах, пишет письмо Кате в необычной форме: «Государыня моя Екатерина Васильевна! <...> Поцелуй пять суток носил я до сего дня, пока с превеликим облегчением послать его по назначению придумал»¹⁰⁴. Письму характерен шуточный тон и намек на стилистику сентиментальной литературы. Со временем молодые люди сближались, что привело к размышлениям о браке. Н. Заболоцкий пишет письмо с предложением руки и сердца. В письме нет иронии, что было ранее. Письмо пронизано глубоким и сильным чувством любви и твердости духа. «Все неразрывно связано с Вами»¹⁰⁵. И снова в письме-признании поэт назидательно обращается: «Пойдемте вместе! Надо покорять жизнь! <...> Вера и упорство. Труд и честность»¹⁰⁶.

Тождество поэта с искусством предполагает иной путь в жизни – отречение от «житейского благополучия, от “общественного положения”, от семьи»¹⁰⁷. И об этом Н. Заболоцкий ответственно предупреждает. В браке, в любви поэт видит силу. Любовь, по мнению Н. Заболоцкого, подразумевает под собой обоюдную работу, совершенство, развитие личностей: «Мы вместе – будем лучше и чище»¹⁰⁸, «Жить, бороться, работать, радоваться – с

¹⁰³ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 67.

¹⁰⁴ Там же. С. 113.

¹⁰⁵ Там же. С. 114.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

Вами»¹⁰⁹. Однако спустя год в письме от 21 августа 1929 г. Н. Заболоцкий отрекается от своей любви: «Я тебя не люблю и жениться на тебе не могу»¹¹⁰. Возможно, изменение в отношении происходит из-за внутреннего кризиса. Он считал, что брак может разрушить его свободу: «Ужели там найти мне место, / Где ждет меня моя невеста, / Где стулья выстроились в ряд, / Где горка – словно Арарат – / Имеет вид отменно важный, / Где стол стоит и трехэтажный / В железных латах самовар / Шумит домашним генералом?»¹¹¹.

В письме от 29 октября 1929 г. Н. Заболоцкий обращает внимание снова на жизнь – искусство / искусство – жизнь: «Изолированный от искусства – я – человек неполный и плохой»¹¹². Письма в 1930-е годы посвящены вопросам публикаций сначала книги стихотворений, затем поэмы «Торжество Земледелия». Яркая реакция на публикацию поэмы «Торжество Земледелия», хоть и вызвала волнения поэта («Посмотрим, что будет» (316)), однако не сломила его. Даже здесь он устремлен на продолжение своего труда: «Не надо упускать времени и жать вовсю» (317). В письмах поэт переживает о финансовых трудностях в издательстве его произведений: «Прыгать пока нечего, но договор я уже заключаю и обещали какие-то деньги» (313). Однако наряду с рабочими проблемами Н. Заболоцкий выражает свое нежное отношение к семье: «Милые мои, дурачки, папка любит обоих очень, хотя и не любит говорить об этом» (316).

Таким образом, дружеские и семейные письма – многогранный комплекс тем: от бытовых, финансовых описаний до размышлений о бытии и поэзии. В переписке поэт открывается как развивающаяся личность, экспериментирующая с поэтической формой и устремленная к совершенству. Уже в первых письмах поэт формирует свое поэтическое кредо, где главным является смысл слова, его объем, где каждая строка несет в себе особый собственный мир.

¹⁰⁹ Там же. С. 115.

¹¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹¹ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 48.

¹¹² Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 117.

2.2. Письма о литературе

Письма этого рода появляются в 1930-е гг. К данному подтипу относятся письма о переводе и отдельно переписка с К. Циолковским. Переписка с К. Циолковским началась в 1932 году, период особого интереса к натурфилософским проблемам, Никита Заболоцкий отмечает: «Мысль, доведенная до предельно возможной ясности, становилась материалом для его поэзии»¹¹³. Н. Заболоцкий поэт XX века – эпохи научно-технической революции – уловил изменения и в художественном сознании. В этот период он увлечен трудами Платона, Энгельса, Гете, В. Хлебникова, Гр. Сковороды, К. Тимирязева, В. Вернадского, К. Циолковского и др. Вот небольшой ряд вопросов, исследуемый учеными: «Зарождение теории воздухоплавания и ракетостроения в трудах Циолковского, учения Вернадского о биосфере, оптимистические прогнозы И. Мечникова о смерти и бессмертии, первые опыты И. Мичурина и Бербанка»¹¹⁴.

Привлекало поэта стремление соединить живое и неживое, где живое существо способно к преобразению мира, планеты. «Посмотрите на распределение шаровых скоплений звезд в плоскости Млечного Пути. Не правда ли, эти точки слагаются в человеческую фигуру?»¹¹⁵. Именно человек является высшей точкой природы, именно разум берет на себя ответственность за развитие мира, вселенной: «В человеке как бы сконцентрирован рассеянный разум мироздания»¹¹⁶, поэтому природа тянется к человеку.

В конце 1931 года Н. Заболоцкому попадаете брошюра К. Циолковского «Растения будущего. Животные космоса. Самозарождение», где автор делится своими фантазиями об общем будущем, о будущем совершенных организмов и об их влиянии на менее совершенных. Человек,

¹¹³ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 195.

¹¹⁴ Ростовцева И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. С. 42.

¹¹⁵ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 54.

¹¹⁶ Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 197.

природа и наука, объединившись смогут постичь счастье: «Нет ничего важнее, как наше счастье и счастье всего живого в настоящем и будущем»¹¹⁷ – такова идея ученого. В исследованиях К. Циолковского зарождается понятие «научная этика».

Поэт заинтересовался исследованиями ученого так, что написал письмо с просьбой прислать другие труды К. Циолковского: «Ваши мысли о будущем человечества поразили меня настолько, что теперь я не успокоюсь, покуда не прочту других сочинений Ваших» (302). Первому письму характерно не только восхищение благодарного читателя, но и зарождение собственных взглядов на мир в подобном аспекте, а также уверенность в необходимости развития этой идеи. В первом письме поэт определяет связь искусства с наукой. На письмо К. Циолковский отвечает и отправляет несколько своих брошюр, изданных в 1925 – 1930-е гг.

В следующем письме от 18 января 1932 года поэт делится впечатлениями о прочитанном и своими собственными размышлениями о том, что после смерти он не сможет возродиться тем, кем был в жизни, верит в движимые живые атомы, способные соединяться в более совершенные организации, проникнуться новой жизнью. Сравнивая атом и человека, приходит к выводу что атом, мельчайшая единица, наделена своей собственной вселенной так же, как и человек. Поэт отмечает значимость степени совершенства организации: «Чем совершеннее человек – тем лучше атому, чем совершеннее человеческое общество – тем лучше человеку» (310). А далее пишет, что бессмертие возможно только самой материи, самого бытия: «Тот таинственный материал, который мы никак не можем уловить в его окончательном и простейшем виде» (310). В поэме 1931 года «Безумный волк» поэт утверждает: «Века идут, года уходят, / но все живущее – не сон:/ оно живет и превосходит/ вчерашней истины закон»¹¹⁸.

¹¹⁷ Ростовцева И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М.: Современник, 1984. С. 47.

¹¹⁸ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 138.

Наряду с упоминанием о близких идеях в поэзии В. Хлебникова поэт делится некоторыми отрывками из своей поэмы «Торжество земледелия», первого опыта в большой поэтической форме, в которой развиваются темы, характерные ранним стихотворениям таким, как «Лицо коня» 1926 г., «В жилищах наших» 1926 г. (которое в 1933 г. автор переименует на «Деревья»), «Прогулка» 1929 г., «Змеи» 1929 г., «Купальщики» 1928 г., «Сохранение здоровья» 1929 г., «Меркнут знаки Зодиака» 1929 г. и др. Н. Заболоцкий верил о приближении времени, когда «люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой»¹¹⁹. Фрагменты письма Н. Заболоцкого были напечатаны в разделе «отзывы» следующей брошюры ученого, которую К. Циолковский прислал поэту с дарственной подписью.

Идеи об единении всего, микрокосмоса и макрокосмоса, живого и мертвого сближают поэта с ученым. Но Н. Заболоцкий не соглашается с идеей К. Циолковского о бессмертии: «Например, мне неясно, почему моя жизнь возникает после моей смерти» (309), а также с ликвидацией низших форм жизни. Наоборот поэт видит ценность каждого организма, который также, как и человек, но в меньше степени, наделен разумом: «Переселяя людей в эфир, я оставлял землю для животных и растений, развивающихся до степени высокоорганизованных существ» (311–312). В стихотворении «Осень» Н. Заболоцкий запечатлевает природу так: «В природе откровенной, / такой суровой, злой, несовершенной, / такой роскошной и такой скупой, – / есть сила чудная. Бери ее рукой, / дыши ей, обновляй ее частицы – / и будешь ты свободней легкой птицы / среди совершенных рек и просвещенных скал»¹²⁰.

Эти два письма впервые были опубликованы литературоведом А. Павловским в журнале «Русская литература» в 1964 году в выпуске №3. А. Павловский отметил значение трудов К. Циолковского: «Они (мысли ученого) упали на благодатную почву, т.к. поэт уже давно жил в круге интересов,

¹¹⁹ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 139.

¹²⁰ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С.162.

соприкасающихся с идеями великого естествоиспытателя»¹²¹. К сожалению, письма К. Циолковского не сохранились.

Переписка с К. Циолковским представляет связь науки и литературы в поэзии Н. Заболоцкого. Научные размышления о вселенной демонстрируют собственное видение поэта мира как единого целого со множеством элементов, взаимопроникающих и взаимодействующих между собой.

Немаловажной деятельностью и увлечением поэта являлся перевод, которым Н. Заболоцкий начал заниматься в начале 1930-х гг., работая в детских журналах «Чиж» и «Еж». Письма о переводе до заключения акцентированы на переработке грузинской поэзии на русский язык. В письмах поэт обсуждает черновики, редакции переводов, а также размышляет о переводе вообще.

В 1930-е годы интерес Н. Заболоцкого был устремлен на грузинскую поэзию. Это было связано с дружбой поэта с Симоном Чиковани и Тицианом Табидзе, первая встреча с которыми произошла в ленинградском клубе писателей. Симон Чиковани вспоминает: «Я, изумленный, глядел на него, и мне казалось, что его внешности не хватает поэтической убедительности»¹²². В тот период Н. Заболоцкий занимался переводом Гр. Орбелиани. Поэт понимал возможные перспективы перевода грузинской литературы на русский язык. Внимание Н. Заболоцкого к современной и классической грузинской поэзии усиливалось. Уже тогда во время разговоров между новыми грузинскими друзьями поэт рассуждает о несовершенстве перевода поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В письме от 1 июля 1936 г. Т. Табидзе Н. Заболоцкий объявляет о поручении Детиздата на обработку поэмы «Витязь в тигровой шкуре». При этом в письме поэт отмечает: «Инициатива этого дела исходит от меня» (317). Свое желание он объясняет необходимостью популяризации Руставели в широких массах, в том числе и в кругу школьников. Уже в первом письме о

¹²¹ Павловский А. Из переписки Н.А. Заболоцкого с К.Э. Циолковским. М., 1964. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1964-3.pdf>

¹²² Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 215.

поэме Руставели поэт выделяет особенности работы над переводом грузинской классики. Для понимания Руставели важно быть в пространстве автора, погрузиться в мир художника, а для этого сведений в русской литературе недостаточно: «Необходимо подышать воздухом Грузии и почувствовать Руставели на его родине» (318). Подчеркнуто стремление передать в первую очередь дух и поэтические особенности оригинала. Для перевода современной поэзии Грузии Н. Заболоцкий уделяет внимание подробными подстрочникам и комментариям автора подлинника. В нескольких письмах поэт просит отправить материалы к произведениям: «Подстрочник посылай полный, с примечаниями» (317), «подстрочник требуется очень подробный и с авторским комментарием» (318), «у меня нет транскрипции этой вещи, кроме того, нужно устроиться с консультацией» (320), «по ходу действия выясняется необходимость более точного и тщательного составления подстрочника, на что следовало бы обратить серьезное внимание» (330).

В переписке с грузинскими поэтами Н. Заболоцкий обобщает свои основные постулаты как переводчика, которые он затем повторит в своих статьях. Переработка оригинала, по мнению поэта, должна быть естественной для языка перевода, перевод должен обладать некой свободой: «Я очень страшусь пунктуальной передачи смысла в том случае, если это звучит в русском стихе нарочито» (320). Как уже говорилось ранее, для поэта важна передача духа оригинала, специфики поэзии автора и в то же время форма передачи красоты и смысла подлинника для широкого читателя: «Нужно же сделать увлекательную книжку, легкими стихами и сохранить в то же время дух Руставели. Книжка пойдет в школы, на ней учиться будут. Сложная задача» (334). Но не стоит забывать о гармоничном сосуществовании в переводе современного языка и классического, оригинального: «Это не значит, что я допускаю искажение смысла. Я стараюсь интерпретировать смысл в том случае, когда это требуется для

легкости и ясности стиха» (320) или «Разве бы посмел я вставить такое специфическое слово по своей воле в чужую вещь?!» (330).

Переводческая деятельность играет роль не только как знакомство с иной поэзией, но и как связующее звено в содружестве национальных литератур. Поэма Руставели стала общим достоянием Грузии, это «народная вещь» (319), которую чтит каждый. Того же Н. Заболоцкий добивается в современной поэзии. Через культурные памятники других народов поэт обращается и к современникам. В переписке поэт нередко отмечает ценность на национальном уровне произведений грузинской поэзии: «поэтика Ваша Пшавела, столь близкая к народному творчеству» (322), «все время твердим о том, что детская литература слаба, что нет в ней произведений национальных литератур <...>» (322), «мы должны постараться довести ее до широких масс читателей» (319).

Н. Заболоцкий восхищается грузинской поэзией в её особом сближении душевного мира и мира природы: «Два мира сливаются в одно неразрывное целое – это для нашего времени явление редчайшее» (320). Поэт осознает, что к такому нужно стремиться, что тонкое и гармоничное единство двух миров возможно благодаря душевному напряжению: «Есть результат долгой поэтической и душевной работы» (320). Это идея занимает центральное место в поэзии самого Н. Заболоцкого, в его мировоззрении. Слияние природы и души творца, тождество природных явлений с миром искусства, с миром сердца встречаются как в ранних стихотворениях, натурфилософского характера, так и в поздней поэзии: «Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница, / Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой. / <...> Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья, / <...> Эту молнию мысли и медлительное проявление / Первых дальних громов первых слов на родном языке»¹²³ или «И я, подобно тополи, не молод, / И мне бы нужно в панцире встречать / Приход зимы, ее смертельный холод».¹²⁴

¹²³ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С.197.

¹²⁴ Там же. С. 274.

Для поэта важно соединение стихотворений в одну книгу, где каждый элемент переливается в другой и наделяется еще одним новым смыслом. Поэзия как некий цикл поэта, который пронизан «чистотой лирического голоса, душевностью» (325): «Собранные вместе, они прекрасно дополняют друг друга, и читатель имеет возможность почувствовать Тициана Табидзе целиком» (325). Та же идея свойственна и творчеству Н. Заболоцкого, который стремился писать книгу стихотворений или же книгу сокровенную, книгу жизни.

В письмах о переводе Н. Заболоцкий пишет о работе над собственными стихотворениями. Например, Н. Заболоцкий раскрывает создание стихотворения «Горийская симфония» и подчеркивает его значение в литературной судьбе поэта. В письмах запечатлевает написание второй книги стихотворений, которое дается тяжело, однако «дело идет о книге стихов, которая весной может выйти в свет» (327).

Характерно недовольство в рассуждениях о судьбе современной поэзии. На поэтических вечерах Н. Заболоцкий нередко критиковал молодых поэтов, которых после разгрома Н. Заболоцкого уговаривали не расстраиваться и указывали на пользу «сомнения у художника, о том, что необходимо растить и холить ростки сомнения»¹²⁵.

В 1937 году поэт впервые пишет о планах на переложение «Слова о полку Игореве»: «Работа интересная и ответственная» (336).

Все более в письмах нарастает опасное положение поэта. Разнообразие деятельности: поэтический вечер Н. Заболоцкого, подготовка к печати второй книги стихотворений, выступления поэта на заседаниях навевает «глухое сопротивление» (332) в среде поэтов.

После заключения 1938 – 1945 гг. Н. Заболоцкий продолжает переписку о переводе. В переписке со своим близким другом, литературоведом Н. Степановым среди описания повседневности доминируют мысли литературного, духовного и бытийного тона. Просьба об

¹²⁵ Заболоцкий Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. С. 246

отправке книг определенных авторов встречается в письмах во второй половине 1940-х гг.: «Несколько лет путешествовала со мной твоя книжечка Баратынского», «Хотелось бы иметь томик Тютчева», «Я отстал от жизни и не знаю – в каком состоянии оставил он своего “Пушкина”» (338–339) (имеется в виду роман Ю. Тынянова «Пушкин»). Такой выбор авторов не случаен: их объединяет стремление к постижению тайны бытия («Хочу у моря я спросить, / Для чего оно кипит?»¹²⁶), внимание к внутреннему миру и в то же время одиночество. Н. Заболоцкого уже его современники, а именно К. Чуковский определял в ряд классиков: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину»¹²⁷.

Поэт отмечает свое изменение к книгам, теперь, после множества страданий, Н. Заболоцкий обращен к человеку, человеческому лицу: «Книги меня интересуют, но далеко не так, как раньше, и я рад этому» (340). Выход к реальному миру, к маленькому человеку расширяет возможности Н. Заболоцкого как поэта, как личности: «Но судьбы людей интересуют меня» (340).

Эта связь с людьми, близкими объясняет заостренное внимание к трудностям друзей и к характеру членов семьи: «Я желаю тебе быстрого восстановления твоей жизни», «Катя – хороший человек, она заслуживает доброго отношения к ней» (338). Уничижительные строки о себе самом можно объяснить виной перед своими близкими за тяжелые годы жизни семьи: «Я же, право, не заслужил ничем ни твоего, ни других людей расположения» (338), «Жаль, что Кате так не повезло» (339).

Интерес к грузинской литературе и новым литературным исканиям не исчезает даже в годы заключения. Как Н. Заболоцкий писал в первых своих письмах другу М. Касьянову о сильном желании писать, постигать знания, так и сейчас это сохраняется. Поэт просит прислать первую книгу на русском языке об истории Грузии, делится своими мыслями по поводу будущей

¹²⁶ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 90.

¹²⁷ Ростовцева И. Заболоцкий – в традиции. М., С. 17.

диссертации друга («Хотелось бы верить, что еще встретимся когда-нибудь и я смогу пожать твою ученую докторскую руку»(340)), хвалит перевод Лозинского. Это показывает стойкость духа поэта: «Он важен и спокоен / Среди своих безжизненных равнин. / Кто говорит, что в поле он не воин? / Он воин в поле, даже и один»¹²⁸.

Отзывается о кончине Ю. Тынянова, где выявляет главную черту писателя и литературоведа: «Взыскательность ученого боролась в нем с полетом художника» (339). Эта характеристика свойственна самому Н. Заболоцкому, его называли «художник-философов нового типа»¹²⁹.

И в заключении Н. Заболоцкий остается поэтом, поэтом-филологом, поэтом переводчиком, поэтом-философом. Вот несколько выдержек из писем Н. Степанову, известному литературоведу, о силе слияния человека и природы: «Она (природа) на меня производит такое впечатление, что иной раз я весь перерождаюсь, оставаясь с ней наедине» (339). О возобновлении переложения «Слова о полку Игореве»: «Вступил в преддверие большой и сложной работы» (343); «Чутье и мера должны сыграть свою роль. Это сделать тяжело» (344); «Не зная равных себе и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская» (344).

И после заключения одной из главных тем является продолжение работы над переложением «Слова о полку Игореве». Н. Заболоцкий ведет переписку с литературоведом Д. Лихачевым. В этой переписке Н. Заболоцкий затрагивает принципы, которым придерживался на протяжении своей переводческой деятельности: значимость сохранения рифмы, полного погружения в эпоху и в сам памятник, что ограничивает авторские комментарии или же эпизоды, нуждающиеся в примечаниях. Н. Заболоцкий, следуя за традициями древнерусского сказания и древнерусским народом, объясняет очевидное подражание автором «Слова» Бояну, «учителю, великому предшественнику, вещему певцу, провидцу» (361). В переписке

¹²⁸ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 307.

¹²⁹ Ростовцева И. Николай Заболоцкий. Литературный портрет. М., 1976. С. 5.

поэт выделяет цели певца «Слова»: «Повествовать о печальном времени развала и кликнуть клич о спасении земли русской» (362).

После заключения поэт продолжает работать над переводами уже не только грузинских поэтов, но и, например, украинских, венгерских и немецких. В письмах прослеживается чуткое внимание Н. Заболоцкого к переводческой деятельности: «Я отдавался этой работе всей душой и делал переводы с той же старательностью, как собственные стихи» (350). Стремление передать душу подлинника, чтобы перевод «звучал во весь голос» (358), передать автора как самого себя, передать своего, например, «Важа», подразумевает серьезную работу с подстрочниками, сравнения других переводов – все это, по Заболоцкому, условия настоящего перевода. Однако не всегда у переводчика все удается. В письме от 6 июня 1953 года Н. Заболоцкий искренне извиняется за невозможность перевести стихотворения С. Чиковани качественно: «Получается нечто столь искусственное, что я не имею права ставить свою подпись переводчика» (368). По письмам складывается представление, что удачный перевод возможен при соединении подлинника с жизнью самого переводчика. Так, провал в переводе стихотворений С. Чиковани, Н. Заболоцкий объясняет разрывом между собственными трудами поэта и стихотворениями С. Чиковани: «По всей видимости, дело в том, что эти стихи не в плане моих последних работ, о которых я постоянно думаю <...>. Переломить себя я не могу и волей – неволей не могу выполнить своего обещания» (368).

В конце жизни с восхищением отзывается Н. Заболоцкий о переводе Ду Фу поэтом и переводчиком А. Гитовичем. И снова ценными качествами поэт считает душу и мастерство: «Вы с большой душой и редким мастерством перевели его» (372). Переводчик смог выразить мудрость и доброжелательность, ненавязчивость, душевность людей – что высоко ценил Н. Заболоцкий в людях.

После заключения появляется новый адресат писем – молодые поэты. Письма, адресованные начинающим писателям с советами. В данных письмах Н. Заболоцкий представляет и передает свое поэтическое кредо.

В письмах молодому поэту А. Сергееву Н. Заболоцкий указывает на ошибки в поэтическом опыте: неудачи в языке, образах и композиции. Неточность языка затрудняют понимание стихотворения, неясность образов приводит к нарочитости, нарушение логических линий затуманивает смысл стихотворения. Ошибки А. Сергеева отлично соотносятся с письмом Н. Заболоцкого времен ОБЭРИУ, написанное А. Введенскому. Спустя годы пункты письма 1930-х годов остаются актуальными, что показывает сформировавшееся художественное кредо Н. Заболоцкого.

В письмах, адресованные А. Крутецкому, поэт советует сыну рабочего слесаря-писателя продолжать писать. Следствием юного возраста стихотворца Н. Заболоцкий объясняет сложность и неясность стихов. То, к чему стремился сам поэт и чего он достиг, а именно, простота, ясность, сдержанность формы – возможно благодаря труду и опыту. Ценным пожеланием становится быть верным самому себе. В последние два года жизни Н. Заболоцкий пишет несколько писем А. Крутецкому, где формулирует свои взгляды на поэзию, поэта и слова вообще: «Если слово отзовётся в иных душах – значит, и радость есть в этой жизни» (376).

В переписке Н. Заболоцкий постоянно затрагивает проблему слова. Для поэта все живо и подвижно, все несет в себе знание и душу, в том числе и слово: «У него (слова) есть лицо, ум и сердце» (378). Ясность и простота стихотворения, о котором поэт твердил на протяжении всего творческого пути, является естественным состоянием и слова. Лицо человека и лицо слова спокойно, «если человек не дикарь и не глупец» (378). Только умный читатель сможет постичь через спокойствие порыв стихотворения.

В письмах к молодым поэтам Н. Заболоцкий определяет истинного писателя как душевного, любящего людей человека. Многие на творческом пути теряют это главное качество писателя: «По нашим трудным дорогам и

часто пустой декламацией стараемся прикрыть собственную душевную беспомощность» (380).

2.3. Письма из заключения

Пристальное внимание ко многим авторам со стороны власти настигло и Н. Заболоцкого в конце 1930–х гг. Николай Заболоцкий с 1938 по 1944 гг. находится в заключении по делу об антисоветской пропаганде. Доказать свою невиновность Н. Заболоцкий не сумел.

В течение всего заключения Николай Заболоцкий писал письма своей семье. После заключения у поэта появился замысел о создании документально–биографического произведения. В 1956 г. Заболоцкий пересмотрел папку с сохранившимися письмами и озаглавил их «Сто писем 1938 – 1944 года». С 1970-х гг. отдельные письма начали публиковаться. Впервые полностью письма были опубликованы в «Рубеже», Тихоокеанском альманахе в выпуске 12, 2012 г. Публикация озаглавлена как «Заболоцкий Н.А. Лагерные письма».

И. Лоцилов определяет значение ста писем так: «“Сто писем” – ответ, данный непосредственно изнутри катастрофы, – общей и личной; репортаж изнутри бедствия, подвергнутый поэтом рефлексии и предварительному литературному “оформлению” в 1956 г.»¹³⁰.

Письма обращены семье поэта, которые остались совершенно одни и должны были жить самостоятельно. Письма двузначны: сдержанность в просьбах отправить необходимые вещи и в то же время нежность по отношению к близким. Переписка велась на протяжении всего заключения, поэтому адресов отправки было множество: Свердловск, Комсомольск-на-Амуре (Хабаровский край), Кулунда (Алтайский край).

Письма можно разделить на несколько блоков. Первый – бытовой, связанный с просьбами житейского характера: «Захвати с собой, если можно, вещевую передачу: 1) мешок вещевой без пряжек и ремней, на толстых

¹³⁰ Здесь и далее по Заболоцкий Н. А. *Метаморфозы*. М., 2019. С. 32. с указанием страниц в скобках.

лямках, 2) пару мешочков для продуктов, 3) бурки<...>» (689). В то же время Заболоцкий указывает, что не стоит отправлять, например, ценные вещи, сухари: «Сухарей не нужно – хлеба вполне хватает» (693), лук и прочее. Поэт беспокоится о семье и просит минимум вещей и продуктов.

Второй блок относится к распорядку жизни поэта. Н. Заболоцкий описывает свой день и свое состояние: «Работаю на общих работах. Хотя с непривычки и трудно, но все же норму начал давать» (693). «Все время на чертежной работе. Удивительно, что зрение еще не сдает, а то было бы плохо» (781).

Третий блок обращен к жене. Поэт советует, как жить теперь в сложный период, велит продавать при необходимости его книги, костюмы и другие личные вещи для того, чтобы дети были здоровы: «Ты пишешь, что не продала классиков из моей библиотеки, – продай прежде всего 20 томов в картонных крышках библиотеки Брокгауза и Эфрона. <...>. Это библиотека стоила мне 1700 р.» (700), «Повторяю – костюмы мои ты в любое время продавай и не думай их хранить. Вероятно, нужны будут деньги на огород, семена и пр.» (785). Объясняет, что нужно делать для пересмотра дела. При этом требует не падать духом: «Будь здорова, крепись, будь благоразумна, не отчаивайся» (691). Первые письма формальны и сдержанны, они необходимы для решения бытовых проблем жизни в новых обстоятельствах,

Однако по мере увеличения срока в заключении в письмах Заболоцкого к жене все большую силу начинает набирать иной круг вопросов. Этот сюжет, связанный с духовным состоянием творческой личности, находящейся в условиях несвободы, обнаруживает определенные изменения мировоззренческих установок поэта. Из размышлений поэта можно выделить три направления тем, которые далее будут развиваться в творчестве.

Первое направление связано со взаимодействием мира и социума. Н. Заболоцкий являлся участником строения городов: «Скоро этот край будет удобным для жизни» (711). Географическая картина становится предметом описания в письмах и в дальнейшем в стихотворениях поэта. Тема рождения

нового мира развивается в таких стихотворениях, как «Урал» (1947 г.), «Город в степи» (1947 г.), «В тайге» (1947 г.), «Творцы дорог» (1947 г.), «Возвращение с работы» (1954 г.). В стихотворениях акцентируется внимание не только на новом строении, но и на природе, и на самом участнике строения – человеке. Например, в стихотворении «Творцы дорог» изображены люди таким образом: «Так под напором сказочных гигантов, / Работающих тысячами рук, / Из недр вселенной ад поднялся Дантов / И, грохнув наземь, раскололся вдруг»¹³¹. Пейзаж Дальнего Востока становится основополагающим для очерка «Картины Дальнего Востока». В позднем творчестве природа становится одним из главных как объектов, так и субъектов размышлений.

В письмах между строками о бытовых вопросах происходит переоценка мира и человека. Поэт, отдаленно заботясь о семье, обращает внимание на труд как на лекарство от тяжелых условий жизни. Работа необходима для жизни вообще и в то же время работа может сохранить силы не отчаиваться: «Будешь работать – много времени пойдет на работу. Трудновато будет. Но ты не унывай. <...> пойдет и у тебя, и с каждым днем будет работать легче» (694). Труд способен удерживать человека, способен сохранить разум человеку. После заключения поэт напишет стихотворение «Не позволяй душе лениться» (1958 г.), где главной темой становится труд – душа «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь»¹³².

Следующее направление определяется миром человеческой души. В одиночестве, вдалеке от близких поэт начинает задумываться о человеке как единице. Конкретность начинает проявляться в лицах людей. В письмах Н. Заболоцкий просит отправить Катерину Васильевну фотографии её и детей, чтобы видеть их лица и вспоминать о них: «Захвати ваши фотографии для меня» (689). А в поэзии будет развиваться тема человеческого портрета и

¹³¹ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С.220.

¹³² Там же. С. 325.

души: «Есть лица – подобья ликующих песен. / Из этих, как солнце, сияющих нот / Составлена песня небесных высот»¹³³.

Образ детей становится связующим звеном в спасении человека в таких тяжелых обстоятельствах. Н. Заболоцкий пишет целенаправленно печатным разборчивым почерком детям, чтобы они смогли общаться с папой непосредственно. Он рисует картинки зверей, которые обитают в местностях, рассказывает истории. Таким образом Н. Заболоцкий стремится воссоздать и сохранить контакт с детьми, чтобы они не забывали его, чтобы они знали о его любви к ним и чувствовали участие в их жизни. Дети становятся такими же спасателями/спасителями для родителей, как и родители для них. Каждый важен друг для друга: «Они (дети) укрепляют нашу волю и любовь, и заботы от них отвлекают нас от собственного горя» (715).

Теперь Н. Заболоцкий устремлен на человека как на личность, как на отдельное уникальное существо, что хранит в себе душу. Опустошение души от серых будней и одиночества разрывает поэта: «Мой душевный инструмент поэта грубеет без дела» (730). Однако при всем очерствении поэт обращает внимание на душу как на единственное, что остается у человека: «Я, кажется, тоже стал немного другой; по крайней мере, уже не привлекают меня в жизни ни костюмы, ни деньги, и живая человеческая душа теперь осталась единственно ценной» (783). В стихотворениях позднего творчества часто встречается образ души как оживленного существа, наполненного силой: «И душа его в мир поднималась, / Как дитя из своей колыбели»¹³⁴ (Оттепель, 1948 г.), «Что с душой приключилось твоей? / Как посмел ты красавицу эту, / Драгоценную душу твою, / Отпустить, чтоб скиталась по свету»¹³⁵ (Облетают последние маки, 1952 г.), «И кричит душа моя от боли, / И молчит мой черный телефон»¹³⁶ (Голос в телефоне, 1957 г.).

¹³³ Там же. С. 278.

¹³⁴ Там же. С. 232.

¹³⁵ Там же. С. 247.

¹³⁶ Там же. С. 284.

Мучения и страдания становятся доказательством настоящей любви поэта. Расстояние между поэтом и семьей, одиночество привнесли более трепетное отношение к близким. Вновь, как и в ранних письмах, любовь становится важной частью жизни человека. Без любви, без близких человек становится черствым и совсем утратившим способность жить. В любви весь смысл существования, только она придает силы для ожидания будущего. Заключение показало Н. Заболоцкому, насколько значимыми являются в его жизни жена и дети. О жене Н. Заболоцкий пишет с особым трепетом: «я с такой нежностью думаю всегда о тебе, ты мне дорога, как никогда, и для детей наших ты теперь единственная опора» (710) или «Не забывай, родная, о самой себе. Я знаю, какая ты у меня самозабвенная» (694). В письме поэт признается: «И как я не умел по-настоящему ценить тебя» (694). В стихотворении «Жена» 1948 г. в образе жены тонко и нежно запечатлена Катерина Васильевна: «Как робко, как пристально-нежно болезненный светится взгляд... / Как мог ты не видеть доселе сокровища жизни своей?»¹³⁷.

В первом письме от 5 ноября 1938 г. заметно сила духа и надежда на ближайшее воссоединение семьи: «Я верю в тебя и надеюсь, что наше счастье потом вернется к нам» (689). Мысль о будущем не отпускает Н. Заболоцкого. Во-первых, выражена надежда на будущее освобождение на протяжении всех писем, всего заключения. Н. Заболоцкий борется за свободу и передают свою стойкость в письмах. Во-вторых, поэт создает в воображении картины будущей жизни после соединения с семьей, что только укрепляет веру в освобождение. В письмах не раз встречаются упоминания о снах, где заключенный видит детей и жену. Сны замещают поэту реальность: «Почти каждую ночь вижу во сне детей... Во сне всегда вижу себя свободным, и это дает счастье. Счастье во сне» (721) или «Как хочется тихо, молча посидеть с тобой, ничего не говорить, так, чтобы понемногу отходили и успокаивались наши души. Чтобы все прошлое, как мучительная болезнь отошла назад и все существо отдыхало бы от пережитых бурь» (718). А затем

¹³⁷ Там же. С. 225.

в стихотворении «Старость» 1956 г. из цикла «Последняя любовь» представлены два образа – он и она, уже седые, уже немногословные, но при этом в их душах царят покой и гармония, все невзгоды исчезли где-то в прошлом, остались только они вдвоем: «В одно единое навеки / Слились живые души их»¹³⁸.

В письмах Н. Заболоцкий приходит к мысли о том, что литература и обыватель совершенно отдалены друг от друга. В связи с загруженностью человека заботами быта и выживания литература и вообще искусство не столь значимо: «Приходится признать, что литературный мир – это только маленький остров – в океане равнодушных к искусству людей» (782). Однако в письмах встречаются строки о потребности в культурном мире, в искусстве, в литературе: «Кроме того, иногда имею возможность прочесть книгу – другую, от чего уже давно отвык» (708). Краткие встречи с искусством, а особенно со своими стихотворениями мучительны и дороги: «Читал актер неважно – но все сердце мое затрепетало от этих полузабытых, но близких строк, и голос московского чтеца прозвучал, как голос с того света» (715). Соединение поэта с литературой, с поэзией несомненно. После заключения поэт напишет: «Тот, кто жизнью живет настоящей, / Кто к поэзии с детства привык, / Вечно верует в животворящий, / Полный разума русский язык»¹³⁹ (Читая стихи, 1948 г.).

Все это свидетельствует о происходящей внутренней работе поэта, которая привела его к главному знанию жизни, всеобъемлющей любви к жизни несмотря на все трудности и тяготы, произошедшие с ним: «Я люблю эту жизнь со всеми ее радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю» (791). «100 писем 1938 – 1945 года» представляют собой свидетельство силы духа поэта, сумевшего не только сохранить творческие силы, но и развить мировоззренческие установки.

¹³⁸ Там же. С. 287.

¹³⁹ Там же. С. 230.

В 1946 году Н. Заболоцкий получает освобождение. В письмах после заключения затрагивает проблему собственных стихотворений. В конце 1940-х годов размышления о поэзии пессимистичны, т.к. они накладываются на размышления о быстротечности жизни. Еще Н. Степанову в 1944 году Н. Заболоцкий пишет: «Идет время. Скоро стариканами станем»¹⁴⁰. А уже в 1947 году впервые открыто заявляет о своем горьком опыте: «Жизнь моя все еще не может войти в нормальную колею после всех бед, испытанных мною» (353). Долгое время после заключения поэт ограничивал себя в написании стихотворений, в переписке с И. Томашевским делится своими переживаниями: «Переписывать свои стихи—занятие для меня не из приятных» (346). После долгих лет молчания поэт не может вернуться делу жизни: «Своих стихов не пишу и не знаю, как их нужно писать» (346). В письмах снова присутствует уничижительный тон по отношению теперь уже к поэзии поэта: «Но Вы, конечно, преувеличиваете значение моих стихов, слабые стороны которых мне хорошо известны» (347) или «Написал бы лучше, да овес дорог, животишки поослабли, в головке трясение» (356). Это связано с гнетущим страхом повторного заключения. После заключения поэт обрел новое знание о жизни, которое хотел выразить в своей поэзии. Но форма выражения еще не стала явной, либо удерживалась самим поэтом: «Славно ласточка щебечет, / Ловко крыльями стришет, / Всем ветрам она перечит, / Но и силы бережет»¹⁴¹. Та форма, к которой поэт привык до заключения, не подходила под тон новых стихотворений: «Пишу трудно, с напряжением; многое в своих стихах самому не нравится; с годами утратил былую детскую самоуверенность» (353). Однако обретенное внимание на человеке способствует повороту поэзии поэта на ясный путь. Прodelанный трудный жизненный путь поэта наводит на размышления о бытии. Все тяжести жизни способствуют «росту души», ее развитию, объединению с другими душами, а если это происходит, значит все было не зря.

¹⁴⁰ Здесь и далее по Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. С. 340. с указанием страниц в скобках.

¹⁴¹ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 318.

Если рассматривать эпистолярное наследие поэта в контексте жанровой системы его прозы, то можно сказать, что, с одной стороны, в письмах видно начало основного круга проблем, заботящих Н. Заболоцкого всю жизнь: от сугубо лично-бытовых до художественно-эстетических, с другой, нередко именно в письмах поэт предлагает отточенные формулы своего творческого кредо.

Глава 3. Автобиографическая проза

3.1. Жанровая специфика автобиографической прозы

Автобиографическая проза – жанр, характеризующийся стремлением автора к самоопределению и самоосознанию, к поиску собственного «Я», саморефлексии и передачи своей самооценки читателю. В. Дильтей отмечал: «Автобиография – высшая и наиболее поучительная форма, в которой находит выражение понимание жизни»¹⁴². В автобиографии существуют три субъекта: «быстротечное время, собственное авторское “Я” и память»¹⁴³.

Расцвет жанра автобиографии происходит на рубеже XVIII – XIX вв., когда в обществе царят жажда обновления и интерес к индивидуальности. Само понятие появляется в Оксфордском словаре в 1797 г.¹⁴⁴. «Исповедь» Жан Жака Руссо является ключевым произведением в автобиографическом жанре, она потрясла все общество. Следом за ней появляются «Мемуары» Бенджамина Франклина (которые в XIX в. приобретают название «Автобиография»), а в начале XIX в. публикуется книга «Поэзия и правда» Гете. Вступление к «Исповеди» Жан Жака Руссо становится определением жанра: «Я хочу показать своим собратям одного человека во всей правде его природы, – и этим человеком буду я»¹⁴⁵. Уже здесь главными критериями жанра являются достоверность и субъективность повествования. Здесь же зафиксирована идея уникальности личности и необходимости сохранения памяти о личности. Данные произведения обладают незавершенностью, что также становится основной характеристикой жанра.

Развитие данного жанра в историческом плане являет переход от исключительного описания прошлого до самопознания в прошлом и (расширение временных границ) настоящем. М. Бахтин писал о предложении

¹⁴² Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М : ФЛИНТА, 2022. С. 8.

¹⁴³ Там же. С.11.

¹⁴⁴ Autobiography. Oxford English Dictionary
URL: https://www.oed.com/dictionary/autobiography_n?tab=meaning_and_use&tl=true#32765517.

¹⁴⁵ Жан	Жак	Руссо	Исповедь.	М.	2011.	URL:
http://rousseau.rhga.ru/upload/iblock/30e/Russo_J._Ispoved.a4.pdf .						

своего «прошлого осознания и понимания этого мира»¹⁴⁶ в автобиографической литературе. Быстротечное время преодолевается, во-первых, основным принципом автобиографической прозы – ретроспекцией, во-вторых, слиянием двух темпоральных планов – прошлого и настоящего, в-третьих, незавершенностью жизнеописания. Время в автобиографии двузначно: оно однократно и генерализованно. Описывая индивидуальное воспоминание, автор приходит к определенной обобщенной идее. При этом время, его представление, может быть не только линейно-последовательным, но и фрагментарным, соединенным благодаря ассоциациям.

С течением исторического времени образ самого автора удваивался: это субъект прошлого и субъект настоящего, дающий оценку себя в прошлом и произошедшим событиям в реальной действительности. Автор, выбирая автобиографию как книгу своей жизни, выходит за пределы времени и пространства и определяет себя больше, чем единичное: «Автобиография обнаруживает ощутимость сознания самому себе, констатирующую себя субъективность, схватывающую и объективирующую свою структуру в акте первичной рефлексии»¹⁴⁷. И здесь в связи с целями автора и его желанием либо слиться с прошлым «Я» либо разделиться, усиливается или исчезает художественное начало произведений. «Я» в произведении выражается в авторе-повествователе или в герое-рассказчике, который сам является автобиографическим героем произведения.

Жанр автобиографии становится одновременно жанром, раскрывающим отдельное «Я» и в то же время демонстрирующим в конкретном «Я» эпоху, культуру. Именно автобиография становится одним из основных источников реконструкции мышления людей того или иного периода. Реконструкция в автобиографии – это память, а именно, пересоздание, творчество, т.к. спустя некоторый промежуток времени прошлое, воспоминания рассеиваются и

¹⁴⁶ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2022. С. 10.

¹⁴⁷ Там же. С.225.

утрачиваются. Необходимо воспоминания не только восстановить, но и даже в большей степени выстроить.

Жанр автобиографии неоднороден. Соединение нескольких жанров привело к расширению границ автобиографии, Николина Н.А. определяет:

- 1) Автобиография как документальное произведение.
- 2) Воспоминания как расширенные описания прошлого.
- 3) Беллетризованные автобиографии и воспоминания.
- 4) Автобиография как художественное произведение¹⁴⁸.

Итак, для автобиографической прозы характерно «установка на воссоздание истории индивидуальной жизни, позволяющей, “создавая текст, создаваться самому”, и преодолевать время (и более того – смерть), принципиально ретроспективной организацией повествования, идентичностью автора и повествователя или повествователя и главного героя»¹⁴⁹.

Начало XX века – время переосмысления человека как личности и мира в целом. Эпоха всевозможных кризисов и великих потрясений, это время, когда быстроменяющийся мир и правда действительности должны отразиться в литературе. Период расцвета документальной литературы.

Кроме внимания на социальной и политической ситуациях в обществе, акцент ставится на самом человеке и его потребностях. Ф. Лежён, французский исследователь жанра, определяет: «Ретроспективный рассказ в прозе, который реальный человек создает из собственного существования, когда ставит акцент на своей жизни, в частности, на истории своей личности»¹⁵⁰. Жизнь – литература, а литература – жизнь. Авторы стремятся к самовыражению, наиболее подходящим способом для раскрытия собственного «Я» является автобиографическая литература. Публикуется автобиографическая проза М. Горького, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б.

¹⁴⁸ Там же. С. 12.

¹⁴⁹ Там же. 12–13 с.

¹⁵⁰ Кирякова Е.М. Автобиографическое повествование в книге Павла Улитина «Разговор о рыбе». 2023. С. 179-182.

Пастернака, И. Бунина, В. Катаева и многих других. В XX веке автобиографическая проза – способ передачи сообщения о себе и способ выражения своего отношения к остросоциальным событиям общества. Отличие автобиографической прозы XX в. от XIX в. заключается в главной черте литературы XX века – житетворчество=мифотворчество. Для явления внутреннего «Я» авторы ищут новые способы выражения, а именно, поток сознания, использование метафоры, ряда ассоциаций, темпоральный монтаж и в большей степени художественность. Важным критерием жанра еще выступает свобода самовыражения.

В автобиографии есть несколько противоречий: авторское «Я» выступает объектом и субъектом повествования, смешение истины и вымысла, стремление к передаче достоверных фактов и в то же время идей. Автобиографическая проза – внедрение размышлений, эссеистики и документальных фактов¹⁵¹.

Автобиографическая проза Н. Заболоцкого – синтез традиции и новаторства в жанре. Это одновременно и в первую очередь документальные свидетельства о своей жизни, осмысление собственного пути и запечатление себя в мире и в истории; и в тоже время это использование художественных приемов (например, поэтические приемы раннего Н. Заболоцкого) для детальной прорисовки прошлого. Н. Заболоцкий приходит к написанию автобиографической прозы после заключения, в конце своей жизни. Таким образом, с помощью автобиографической прозы поэт запечатлевает себя, свое окружение и собственный внутренний мир.

3.2. «Автобиография» (1948 г.)

Автобиография написана для отдела кадров Союза советских писателей. С 1943 г. Н. Степанов возобновил помощь Н. Заболоцкому в освобождении. Друг писал в своих набросках воспоминаний, как встретился с А. Фадеевым

¹⁵¹ Балдицын П.В. Жанр автобиографии в литературе XX века, 2021. URL: <https://www.journ.msu.ru/about/news/37031/>.

и завел разговор о судьбе поэта: «Он (Фадеев) ознакомился с “делом” Николая Алексеевича и <...> видно, что он (Н. Заболоцкий) ни в чем не виноват»¹⁵². После чего в 1944 г. была назначена встреча поэта с московским начальством. Начался пересмотр дела. 18 августа 1944 г. Н. Заболоцкий был освобожден. В этот период поэт возобновляет работу над переложением «Слова о полку Игореве». В конце сентября Н. Заболоцкий отправляет рукопись в Москву на возможную публикацию – именно это была попытка восстановления в Союзе писателей. В 1945 г. благодаря помощи друзей и знакомых поэта вызывают в Москву, в Союз писателей.

Впервые «Автобиография» опубликована в 1966 г. в трехтомнике «Советские писатели. Автобиографии», ныне воспринимается одновременно и как документ, и как автобиографическая проза.

Документальность очерка связана с биографическим контекстом. Написана она с прагматической целью – вступить в ряды Союза советских писателей, то есть легитимизировать себя официально как писателя. Поэт озаглавливает свой фактически очерк автобиографией. «Заглавие занимает сильную позицию любого произведения и обычно служит его смысловой, тематической и композиционной доминантной»¹⁵³. Заглавие предопределяет форму и содержание очерка. «Автобиография» – рассказ о себе, о своей жизни, с явным доминированием линейного повествования и фиксированием основных событий, определивших судьбу автора. Номинация задает тон произведения, по заглавию можно определить целеустановки автора, поскольку «Заглавие – всегда один из основных способов установления контакта с адресатом текста»¹⁵⁴. В данном случае название стандартизировано, а целью поэта является фиксирование своей жизни.

В очерке повествование от первого лица, а как известно, «Развитие повествования от 1-го лица в XIX–XX вв. связано с усилением плана повествователя в прошлом и переходом от отображения последовательности

¹⁵² Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 386.

¹⁵³ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М, 2022. С. 27.

¹⁵⁴ Там же. С. 24.

ситуаций к передаче последовательности реальных или стилизованных воспоминаний о них»¹⁵⁵. Первое лицо повествования закрепляет объективность произведения, что снова доказывает достоверный и документальный характер изложения.

Автобиография состоит из множества небольших эпизодов, в которых запечатлены основные этапы жизни поэта. Повествование начинается с родословной Н. Заболоцкого. Представлены два человека, сыгравшие важную роль в истории автора: дедушка и отец. Автор подчеркивает тяжелую судьбу дедушки, бывшего крестьянина, сумевшего стать лесным объездчиком и давшего образование своему сыну: «Отца <...> определил в Казанское сельскохозяйственное училище, выхлопотав ему казенную стипендию»¹⁵⁶. Отец поэта также описан как трудолюбивый и обладающий влиянием работник: «За сорокалетнюю работу он, кажется, преуспел в своем деле» (655).

Заболоцкий после характеристики близких для него людей идет на перечисление основных вех жизни, каждую из которой сопровождает своеобразной авторефлексией. Например, в первом эпизоде о месте рождения поэт фиксирует внимание на значение природы в формировании детского сознания: «<...> здесь я начал писать стихи. Семилетним ребенком я уже выбрал свою будущую профессию» (655). Определение себя как поэта предполагает тягу к искусству, что автор также подчеркивает: «Я рвался к центру, к искусству» (656).

Далее описание эпизодов судьбы нацелены на изложение своего пути, как сознательно выбранного пути литература: поступление автора на историко-филологический факультет, первые поэтические опыты, для которых характерны элементы подражания и ученичества, стремление к научному труду, работа в стенгазете и в детской литературе. Автор объясняет замысел первой книги стихотворений «Столбцы»: «Хищнический быт всякого рода

¹⁵⁵ Там же. С. 128.

¹⁵⁶ Здесь и далее по Заболоцкий Н. А. Метаморфозы. М., 2019. С. 655. с указанием страниц в скобках.

дельца был чужд и враждебен мне» (657). Н. Степанов отмечает: «В автобиографии Заболоцкий очень точно определил содержание и мотивы своей первой книжки стихов “Столбцы”»¹⁵⁷. Н. Заболоцкий, перечисляя свои достижения в литературе, свои стихи периода ОБЭРИУ, который он не называет (обозначает лишь «поэты Ленинградского Дома печати»), характеризует как удобопонятны. Это связано с обостренной политической обстановкой и целями написания автобиографии. При этом хотелось бы отметить один из главных принципов автобиографии – принцип скромности (первоначально автор стремится сохранить образ себя во времени и, соответственно, сохранить память о себе в положительной коннотации). Принципу скромности свойственно умолчание и отказ от прямого самовосхваления. Однако, повторимся, в данном случае принцип скромности объединяется с целями написания очерка.

Схожая ситуация некоторого умолчания происходит с историей публикации и критики поэмы «Торжество земледелия». Вновь в нужном русле объясняется замысел произведения: поэма о коллективизации и колхозном строительстве, борющиеся с укладом старой деревни.

Период второй половины 1930–х гг. становится пиком творческой активности поэта. Автор перечисляет все свои достижения этого периода, тем самым подчеркивая свою состоятельность и благонадежность. Период ареста и заключения объясняется тотальной ошибкой суда: «Я до сих пор убежден, что это было роковым следствием судебной ошибки» (658). Завершает автобиографию последними на тот момент события жизни – восстановление поэта в Союзе писателей.

Автобиографии свойственны фактологичность, событийная монтажность и краткость. Фикциональность, как одна из черт жанра автобиографии, присутствует главным образом в виде пропусков некоторых событий, вынужденного умолчания. «Каркас лексической организации»¹⁵⁸ первой

¹⁵⁷ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 8.

¹⁵⁸ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2022. С. 34.

автобиографии, написанной поэтом, состоит из предикатов «родился – учился – служил – работал», что выстраивает событийный ряд в первую очередь человеческий жизни. Это является основой первичного автобиографического текста, который в случае с Н. Заболоцким дополнен лирическим описанием детства

Таким образом, в «Автобиографии» 1944 г. Н. Заболоцкого объединены две задачи: первая – практическая – стать членом Союза советских писателей; вторая – духовная и в то же время жанрообразующая – пусть неполно, но прочертить свою судьбу.

3.3. Ранние годы (1955 г.)

Одной из предпосылок написания очерка являются события 1954 г. В этот период была активная переводческая деятельность, были частые встречи с грузинскими авторами, однако здоровье поэта стремительно ухудшалось. В 1954 г. произошел инфаркт, после которого потребовалось серьезное восстановление здоровья. В это время поэт переживал духовный кризис. Во время посещения Н. Заболоцкого Е. Шварцем поэт сказал: «Так-то оно так, но наша жизнь уже кончена»¹⁵⁹.

Уже после освобождения частые воспоминания о заключении привели Заболоцкого к постоянным мыслям о слежке, поэтому он скрывал многое, не поддерживал разговоры, касающийся власти: «Отказываясь судить о “политике”, всячески устраниаясь от нее, он сознательно строил свой духовный мир на верности и твердости своих поэтических идеалов»¹⁶⁰. Так, он не желал вспоминать о прошлом, о детстве, семье. Даже со своим родным братом после заключения и до конца своих дней никогда не встречался, опасаясь преследования. После пребывания в санатории Н. Заболоцкий возвращается и вольно переводит стихотворение С. З. Галкина «Осенний клен», перекликающейся с судьбой самого автора: «Не забывай, что

¹⁵⁹ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С 482.

¹⁶⁰ Там же. С. 501.

выпрямится снова, / Не искривлен, / Но умудрен от разума земного / Осенний клен»¹⁶¹. Однако в конце жизни, по воспоминаниям Никиты Заболоцкого, поэт размышляет о ценности ранних детских впечатлений «для формирования душевного строя человека»¹⁶².

Впервые очерк опубликован в альманахе «Тарусские страницы» в 1961 г., одним из членов редколлегии которого являлся К. Паустовский. Н. Заболоцкий провел свои два последних лета в городе Таруса, там он бывал в гостях у Паустовского. Именно этот период можно назвать расцветом поздней поэзии поэта. К. Паустовский так отзывался о поэзии Н. Заболоцкого: «На днях приходил, читал свои стихи – очень горькие, совершенно пушкинские по блеску, силе поэтического напряжения и глубине»¹⁶³. В первой публикации очерк печатался по рукописи поэта. Земляки по Уржуму Н. Заболоцкого заметили неточности в именах встречающихся героев, но это можно объяснить свойствами памяти.

А. Македонов выделяет параллели прозы Н. Заболоцкого с прозой других авторов: «Чеховское искусство ассоциативных многозначных деталей, их контрастных сцепок, подчас своеобразной выразительной недоговоренности, <...> бунинская сжатость, предельная точность языковых оттенков <...> Прослеживается достижение психологической прозы и Толстого и Достоевского»¹⁶⁴. Эта связь наблюдается неслучайно. По воспоминаниям Н. Степанова Н. Заболоцкий увлекался чтением прозы данных авторов, он перечитывал, приобретал полные собрания сочинений и использовал цитаты из произведений как эпиграфы к своим стихотворениям (например, эпиграф стихотворения «Встреча» взят из «Войны и мира» Л. Толстого). Н. Заболоцкий восхищался меткой и выразительной прозой авторов. Н. Корниенко замечает: «Воспоминания самого Заболоцкого о детстве,

¹⁶¹ Там же. С. 485.

¹⁶² Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...». М., 1995. С. 10.

¹⁶³ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 506.

¹⁶⁴ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 43.

выделяющиеся на фоне образов детства, как его писали современники поэта»¹⁶⁵.

Сделав очерк обстоятельств, в которых был написан очерк «Ранние годы», предложим его анализ.

Очерк начинается с определения родословной поэта и местоположения предков. При этом автор, анализируя историю предков, обнаруживает древние корни рода: «Наши предки приходятся сродни этим своевольным колонизаторам Вятского края» (659). В сравнении с «Автобиографией» 1948 г. в очерке расширяется диапазон лиц, которые в той или иной степени повлияли на поэта. Портрет родственников обогащен рядом стилистических фраз, несущих сказочный характер. Дедушка в представлении поэта новый богатырь, защитник: «Высокого роста, он до кончины своей был физически необычно силен, гнул в трубку медные екатерининские пятаки» (659). Использование фразеологизмов типа «косая сажень в плечах» усиливает связь с древним прошлым и более точно передает атмосферу времени. Отец поэта, с одной стороны, является продолжением крестьянства, практик, носивший бороду на два клина. С другой стороны, отец становится представителем интеллигенции, который с уважением относился к науке и книгам и боролся против косности крестьянства.

В очерке впервые за все творчество встречается личная проблема семьи поэта. Автор не ограничивается портретами родственников, пишет о браке отца и матери как об ошибке, неудачном соединении двух разных по всем критериям жизней: «Семейные раздоры были обычными картинами моего детства» (660).

Портреты родственников дают представление не только о них самих, но и об авторе. Черты характера членов семьи являются и чертами самого поэта. Это трудолюбие и тяга к знаниям – черты, свойственные семье, ярко выражены и в самом поэте, например: «Добивался окончательной,

¹⁶⁵ Корниенко Н. «И любовь, и песни до конца». М., 2005. С. 132.

отшлифованной доработки своих стихов. Он всегда многократно переписывал и переделывал их, уничтожая черновики»¹⁶⁶.

После знакомства с родословной поэта, Н. Заболоцкий переходит к описанию уже своей жизни. Переезд в следствие служебных трудностей отца в Сернур открыл для Н. Заболоцкого возможность видеть красоту природы. Детально прописанное описание самого села и в дальнейшем пейзажа Сернура подчеркивает трепетное отношение автора к природе края. Особенно интересным становится описание сельской местности. С. Сырнева замечает: «Малая родина стала составной частью центрального образа поэзии Заболоцкого. <...> Для Заболоцкого сернурская и уржумская земля – это и есть сама природа»¹⁶⁷. Преобладает художественность в описаниях. При этом пейзаж – это перечисление деталей, которые особенно хорошо запомнились автору, с добавлением метких определений: «Черный дряхлый дом, <...> пруды, заросшие ивами, и бесконечные уголья <...> целомудренная прелесть растительного мира» (661). При этом природа становится новым персонажем очерка, она оживляет: «Величественный огромный сад» (661). В момент воспоминания о красоте Сернура автор включает свои размышления настоящего времени. Он одновременно анализирует значение села как отправной точки в созерцании мира. Время в очерке меняется, размышления фиксирует в настоящем времени, а свои воспоминания – в прошлом. Таким образом запечатлевается связь времен.

В очерке прослеживается история не только самого автора, но и судьба народа. Автор поднимает социальные вопросы, проблему бедности и угнетения. Н. Заболоцкий во фрагменте о мариюцах подчеркивает угнетенное положение народа, часто используя такие характеристики, как скудность и исхудалость: «Нищета, голод, трахома сживали их со свету» (661). При этом проблема статуса не прослеживается в отношениях между детьми. Разделение по положению начинается в школьное время, когда автор

¹⁶⁶ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 177.

¹⁶⁷ Сырнева С. Еще один мальчик из Уржума: О двух стихотворениях Н. А. Заболоцкого. М., 2005. С. 167.

отмечает изможденное состояние приятеля-марийца, несущего церковный фонарь, в своей худой «одежонке». Однако разделение между приятелями в большей степени возникает не на бедности или угнетении, а на духовном уровне: «Я завидовал его счастью самой черной завистью» (662). Зависть счастью – абсолютной истине – которую дает мальчику-марийцу вера.

Новый этап в жизни мальчика – переезд в Уржум. Первые впечатления об Уржуме эмоционально выражены с использованием восклицательных предложений, что передает восхищение мальчика о большом (как ему казалось) городе. Город становится особой вселенной искусства и новых знаний. Здесь впервые упоминается поэзия и попытки писать стихотворения. Автор с изумлением и трепетом описывает горожан как совершенно отличных от односельчан.

В этом фрагменте запечатлевается становление автора в дальнейшем. Этот переход обозначается влиянием семейной библиотеки («Этот шкаф с раннего детства стал моим любимым наставником и воспитателем» (663)) и наставлением отца об отношении к книгам: «Книги – плод ума человеческого. <...> Для многих книги – все равно что хлеб» (663). Такое трепетное отношение сохранил Н. Заболоцкий до конца своей жизни. Н. Степанов вспоминал, как в последние годы поэт постоянно чистил «свою небольшую, но тщательно подобранную библиотечку»¹⁶⁸.

Воспоминания о реальном училище динамичны и полностью реконструируют сознание ученика-реалиста. Н. Николина отмечает: «Автор перевоплощается в другого человека, обреченного войти в круг чувственного мышления, где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать через единичную частность»¹⁶⁹. В тексте встречается вкрапления прямой речи, использование восклицательных и вопросительных конструкций, что усиливает эмоциональный спектр очерка. Именно здесь время меняется. Автор полностью погружен в

¹⁶⁸ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 173.

¹⁶⁹ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2022. С. 133.

воспоминания: «Мы, как кавалеры, без особенного усилия забиваем их – городских. Отсюда наши вековые распри. <...> Бывают вечера. Когда по незримому телеграфу передается: “Наших бьют!”» (663). Тем самым предстает неразрывная связь между прошлым и настоящим и даже оживление / сосуществование двух времен. Спаянность времен происходит особенно в описаниях динамического сюжета, как например, эпизод драки учеников.

Воспоминания до реального училища кратки. Время периода реального училища как бы замедляется, а воспоминания становятся более детальными и повествовательными. Автор фиксирует весь распорядок дня учеников: от пробуждения и встречи с педантом-инспектором, чтением молитв, уроков и учителей, описания драматического кружка до страшных событий 1914 г. Реальное училище является одним из основных периодов жизни, повлиявших на автора как на будущего поэта: «Реальное училище было великолепно» (664).

Стоит отметить, данный автобиографический очерк отличается от предыдущего помимо художественности и эмоциональности, наличием шуточных воспоминаний и карикатурных портретов учителей. Среди иронических / шуточных случаев из жизни более значимыми становятся воспоминания об учителях и уроках рисования и математики. Рисование и математика – синтез научного и художественного познания, который станет ведущим в творчестве поэта.

Учителя значимы в будущих жизненных ориентирах поэта. Так, учитель истории В. Спасский, самостоятельной мысли человек, учил реалистов быть верными себе. Спасский был человеком серьезным и сосредоточенным. Его противоположностью стал учитель естествоведения, любитель посмеяться и ценитель Чехова, которого после общих чтений полюбил весь класс. Преподаватель рисования занимался музыкой и выступал на школьных концертах. И, наконец, учительница немецкого языка Эльза Густавовна

трудолюбивая и настойчивая производила большое впечатление на мальчиков своим характером.

В описании учителей можно проследить зеркальную концепцию «Я» автора. Как писал М. Бахтин: «Не я смотрю изнутри своими глазами на мир. А я смотрю на себя глазами мира. Чужими глазами...»¹⁷⁰. Черты, которыми реалист восхищался, как бы передались самому автору. Самостоятельность мысли становится основой как личности поэта, так и его творчества: «Он был цельный человек—поэт Заболоцкий. <...> Я всегда чувствовала его незаурядность и самобытность. <...> Он был человеком очень своеобразным»¹⁷¹ или «И пред лицом пространства мирового / Такую мысль вложил ты в этот крик, / Что слово с воплем вырвалось из слова / И стало музыкой, венчая львиный лик»¹⁷².

Хоть Н. Заболоцкого обычно представляют как серьезного и сдержанного человека, он любил пошутить: «Лукавый огонек сквозил из-под очков»¹⁷³. Сохранился целый ряд шуточных стихотворений, которые автор не добавил в свой литературный свод, однако, к счастью, благодаря современникам их сумели опубликовать спустя несколько лет после смерти поэта, например: «Полезно ли человеку писать? / Очень полезно. / А почему? / Потому что на голове появляются умные бугорки, чтобы мыслить <...> / Что такое мудрость? / Там, где умный глуп. / А где глупость? / Там, где глупый умен. / Вот спасибо. Теперь я понимаю, как и что. / До свидания»¹⁷⁴.

Однако помимо учителей, обладающие особым влиянием на учеников, автор приводит в пример учителей слабых. Это учительница французского языка придирчивая Елизавета Вейль, неуважаемый учениками неудачник отец Михаил и другие непримечательные угодливые учителя. Эти свойства Н. Заболоцкий не терпел в людях до конца своих дней.

¹⁷⁰ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2022. С. 250.

¹⁷¹ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. 138–139 с.

¹⁷² Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 198.

¹⁷³ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 175.

¹⁷⁴ Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 1. С. 451.

Следующий эпизод посвящен дружбе и другу Мише Иванову. Автор характеризует друга как нежного, впечатлительного, талантливого в рисовании мальчика. Любопытно, собственный портрет явно раскрывается одновременно с портретом друга. Портрет собственного «Я», безусловно, проявляется во всем очерке. Поэт анализирует свой путь, объясняя причины интереса к тому или иному явлению. Однако именно сознательный, намеренный психологический портрет, портрет собственных качеств, да и внешний портрет неявен до момента знакомства с другом. В сравнении со своим другом автор описывает себя как увальнем, застенчивым и настороженным мальчиком: «Сидел один в молчании, и мне нисколько не было скучно, и голова моя была, очевидно, занята какими-то важными размышлениями» (668). Дружба между реалистами была крепкой и верной, их объединяло влечение искусству.

Друзья делились друг с другом всеми переживаниями. В историю дружбы вводится любовная тема. Любовная тема довольно редко встречается в творчестве поэта. Вообще собственное «Я» в творчестве поэт пытался не раскрывать через биографический аспект. Однако в очерке большое место уделено и любви, что раскрывает и раскрепощает образ автора. При этом любовной теме характерен иронический тон. Иронический тон по отношению к себе как из прошлого, ребенку, так и по отношению к своему другу: «Оба мы были влюблены – постоянно и безусловно» (669) или «Малопомалу начинал постигать искусство любви, в то время как мой бедный Миша Иванов кротко и безнадежно мечтал о своей красавице» (669). В сравнении с одной любовью Миши автор перечисляет, в кого был влюблен он: Еня с бараньими глазками, бледная Рита, курносая Нина.

Кульминация дружеского и любовного сюжетов трагична: Нина была оскорблена одноклассником друзей, Миша сошел с ума и через несколько лет умер в Уржуме...» (669). Финал краток – постановка многоточия, что придает, во-первых, незавершенности истории, во-вторых, напряжения и утраты друга.

После трагической истории дружбы автор возвращается к образу Уржума. Потешный фольклорный стиль наиболее ярко выражен в этом эпизоде. Описание города наделено карнавальностью и игрушечностью: «Были в нем два мизерных заводика, <...> театр в виде длинного деревянного барака под названием “Аудитория”» (670). Уржум автор характеризует «мещанским городком», после чего в повествовании появляется гротеск и фантасмагория. Управители города обладают уродливыми чертами, например, кривые на один глаз и еледвигающиеся развалины. Городское общество обезличивается и омертвляется. Общество описано сатирически, оно превращается в выдающийся духовой оркестр или в храброе воинство. И следом за этой сатирической характеристикой разоблачается настоящая сущность общества: «Воинство гаркало в ответ, <...> пожарники, хлебнув заблаговременно по чарке, взывали на своих тубрах и литаврах, и рота дефилировала к казарме» (671). Еженедельный базар изображен как уродливое собрание живых трупов. Это возвращает к раннему периоду творчества поэта, где изображен «карнавал всеобщего перемигивания и несоответствия»¹⁷⁵.

Внутри гротескного описания действительности городка, пренебрежительного описания уклада церкви – сам облик церкви, явленный в таинственности и таинстве, становится духовным посредником между поэтом и религиозной действительностью: «Тихие всенощные в полутемной, мерцающей огоньками церкви невольно располагали к задумчивости и сладкой грусти <...> я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит высоко над нами» (671).

Однако особое внимание автор акцентирует на отличном от мещанской действительности мире – на мире искусства города. Контрастно, но в городе живых трупов музыка пользовалась всеобщей любовью. В театре «Аудитория» работал любительский драматический кружок. В воспоминании о кружке автор использует восклицательные предложения с целью передачи

¹⁷⁵ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 96.

значимости и эмоциональности прошлого: «В первый год моего ученичества ставилась (полностью!) “Аида”. Правда, опера шла под аккомпанемент рояля <...> – но шла!» (672). В мире мещанского городка встречаются библиотеки и появляется интеллигенция в первые годы революции. Хотя это и город «живых трупов и бабьего воя», однако к интеллигенции общество относилось с пониманием и поклонением.

Упоминание о маленьком, но мире искусства становится плавным переходом к поистине «песенно-музыкально-живописным картинам»¹⁷⁶ природы. Н. Степанов отмечал: «Средством выражения авторского сознания является пейзаж. <...> Пейзаж у Заболоцкого строго реален, точен в деталях»¹⁷⁷.

На Рождество автор возвращался в родительский дом, за ним приезжал сам отец. Описание зимней дороги трансформируется в сказочную вселенную со своими обитателями: «Поля были беспредельны <...> снег скрипел <...> сказочное государство сна <...> жизнь продолжается, тихая, скрытная, беззвучная» (673). Люди, войдя в пространство дороги и леса, также под влиянием ирреального. Отец становится богатырем-бородачом, ямщик – рождественский дед, сам снег одушевляется – скрипит, поет и визжит.

Однако во время пасхи, в период весны, природа оживает и приобретает человеческие свойства: «Ручьи начинали свои бесшабашные танцы <...> реки, эти замерзшие царственные красавицы, вздрагивали, покрывались туманом» (673).

Сказочное оживление природы в воспоминаниях автора приводит к былинному описанию опасной поездки ученика-реалиста. Попав в разводье, благодаря силе коней, отец и сын смогли спастись: «Но добрые кони вынесли, и опасность миновала» (673). Весенний мир удивляет фантастической метаморфозой людей и природы. Природа очеловечивается,

¹⁷⁶ Корниенко Н. «И любовь, и песни до конца». М., 2005. С. 132.

¹⁷⁷ Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984. С. 175.

а люди либо превращаются в сказочных персонажей, либо утрачивают свой человеческий облик и становятся существами. Так, лысая дряхлая старушка становится лишь существом.

Очерку свойственна кольцевая композиция: начинается и завершается очерк семейной линией. От предков до семьи самого автора. Трагический образ матери повторно появляется в финале очерка. Здесь образ матери детализируется и наделяется эмоционально-напряженной характеристикой: «Мать старилась раньше времени и томила в захолустье» (673). Однако наряду с душевным умиранием мать дает надежду своему сыну. Она учит сына вере в добрых людей, борющихся за счастье народа. Такими были ее родственники. Образы матери и дяди доведены до бытийного / духовного уровня с дидактическим обращением.

Завершается очерк страшным 1914 г. Автор-мальчик, не осознающий весь ужас событий, но с воодушевлением наблюдает за молодыми прапорщиками. Город и люди вновь меняются, теперь в каждом доме карты военных действий, а по улицам крики новобранцев и плач женщин.

Композицию можно охарактеризовать так: от расширенного начала (родословная) к сужению (судьба самого поэта), но с выходом на социальные проблемы и далее на вселенский масштаб – до возвращения к описанию семьи и в финале – на трагедию общества.

3.4. «История моего заключения» (1956 г.)

Вторая половина 1950-х гг. период надежды и возможностей – хрущевская оттепель. В 1956 г. прошел XX съезд партии о разоблачении культа Сталина. Письмо-разоблачение слушал Н. Заболоцкий на общем собрании писателей. После этого события поэт решает написать то, о чем он делился только с женой и близким другом Н. Степановым. Он пишет «Историю моего заключения» или же второе название «Как меня били». В воспоминаниях сына поэта, Никиты Заболоцкого, зафиксировано желание Н. Заболоцкого продолжить писать свою историю, однако он отказался от идеи, сохранив

один небольшой очерк. «Историю» поэт перепечатал в одном экземпляре и никому не показывал. В этот же момент Н. Заболоцкий решает подать заявление о своей реабилитации, но заявление он не отправил. Никита Заболоцкий предполагает: «Наверное, он ждал, что власти соберутся с силами, извинятся перед невинно пострадавшими и организованно, без всяких заявлений реабилитируют их»¹⁷⁸. Поэт при жизни был не реабилитирован.

Впервые очерк опубликован в переводе на английский язык в 1981 г. в британском журнале «The Times Literary Supplement», а на русском языке первая публикация произошла в 1986 г. в историческом альманахе «Минувшее» в Париже. В СССР – в 1988 г. в журнале «Даугава». В послесловии журнала «История» определялась как «проза, дышащая человеческим и литературным достоинством»¹⁷⁹. А. Македонов отзывается об очерке: «Потрясающий автобиографический документ – “История моего заключения” – большой эмоциональной и художественной силы, еще большей от сдержанности тона и точности описания того, что было»¹⁸⁰.

Очерк имеет четкую структура и разделен автором на две части: первая описание от ареста до тюрьмы, вторая – от тюрьмы до этапирования и прибытия в «Комсомольск-на-Амуре».

Первая часть начинается с диалога между автором и двумя представителями власти, производившими арест. В повествовании первой части доминирует документальность и стремление выстроить все основные этапы ареста. Первые фразы текста почти протокольно-точны: указано время и действие происходящего. Но протокольное описание заканчивается щемящей нотой: первым внятно произнесенным словом дочери, которой только одиннадцать месяцев, обращенной к отцу. Эти предложения односложные и краткие, однако в этой «сухости» запечатлена боль и

¹⁷⁸ Заболоцкий Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998. С. 488.

¹⁷⁹ Иванов Ю.П. «Одиссея фантастических переживаний». (Тюремно-лагерная тема в творчестве Н.А. Заболоцкого). СПб., 2003. С. 21.

¹⁸⁰ Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. Л., 1987. С. 218.

отчаяние автора: «Когда я целовал ее, она впервые пролепетала: “Папа!” Тут жена с криком ужаса догнала нас» (675).

Описание допроса фактологично, что демонстрирует необходимость автора зафиксировать всю аморальность процесса пыток: «Начался допрос, который продолжался около четырех суток, без перерыва» (676). Следователи требуют сознаться в несовершенных преступлениях. Допрос дополняется репликами автора о незаконности происходящего. Это одновременно реконструкция действий из прошлого и вместе с тем желание защитить себя и в настоящем: «Так как этих преступлений я за собою не знал, то понятно, что и сознаваться мне было не в чем. <...> Я протестовал против незаконного ареста, против грубого обращения» (676). Перед арестованным стояли труднейшие задачи: не навредить людям, оставшимся еще на свободе, выстоять физически, не лишиться рассудка. Автор сурово и хладнокровно восстанавливает последовательность допроса-пыток, останавливаясь на разоблачении «изобличающих» его «показаний» других арестованных авторов. Арестованный просил доказательства показаний, но так их не получил. Однако после заключения выяснилось, что названные авторы действительно дали показания против Н. Заболоцкого под мучительными пытками. Автор, испытывая ужасные пытки, не отказывается от правды и не сознается в несодеянном: «Я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали» (676).

Многочисленные пытки, непонимание происходящего приводит автора к потере рассудка: «Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им» (677). Именно в момент междоусобицы, во-первых, исчезает страх и появляется презрение к следователям и к происходящему, во-вторых, автору открывается как бы другое измерение, благодаря которому он приобрел уверенности в своей правоте: «Я чувствовал внутреннее облегчение и торжество свое перед этими людьми» (677). То есть иррациональное двояко: с одной стороны, это потеря связи с материальным настоящим и своим

физическим телом, с другой стороны, это получение знания о действительности и укрепления своего сознания.

В очерке прослеживается одна из основных мыслей, встречающаяся довольно часто в произведениях бывших заключенных, арестованных, это борьба за жизнь, защита себя во что бы то ни стало. Существование в камере быстро расчеловечивает человека, превращая его в животного в диком мире, у которого остается только инстинкт самосохранения. В. Шаламов утверждал: «Условия лагерного существования доводят заключенных до последней границы, за которой уже ничего человеческого нет в человеке, а есть только недоверие, злоба и ложь»¹⁸¹. Первая мысль после потери сознания ярко передана с помощью восклицательного односложного предложения: «Защищаться! Защищаться, не дать убить себя этим людям, или, по крайней мере, не отдать свою жизнь даром!» (678).

Свои видения из-за нервного напряжения, голодания и бессонницы автор описывает отстраненно: «Появились признаки галлюцинации...» (678). Переходом между частями становится кратковременное пребывание автора в больнице и последующее существование в общей камере.

В результате нестерпимой боли, отчаяния и путаницы в сознании, автор попадает в больницу для умалишенных. Мир умалишенных, хотя и изображенный фантастически, не очень отличается от мира всего общества в действительности: «Умалишенный, который, изображая громкоговоритель <...> произносил величания Сталину. <...> Другой бегал на четвереньках, лая по-собачьи» (679). Сумасшедший дом оказался тем местом, в котором человек может вернуть себя, где автор «Приготовился ко всему, лишь бы не наклеветать ни на себя, ни на других» (679), почувствовать «внутреннее облегчение и торжество свое перед этими людьми» (678).

Вторая часть посвящена тюремной жизни автора. Именно в этой части сконцентрированы рефлексия и оценка природы личности, человека. Автор

¹⁸¹ Иванов Ю.П. «Одиссея фантастических переживаний». (Тюремно-лагерная тема в творчестве Н.А. Заболоцкого). СПб., 2003. С. 25.

говорит о том, кто есть слабый и сильный человек, свободный и несвободный. Свободный человек для него это «уверенный в себе, в той или иной мере обладает чувством собственного достоинства, спокойно и разумно реагируют на внешние раздражения» (680). Человек, в обычной жизни абсолютно нормальный, в заключении мог потерять всю человечность и стать рабом страха: «Черты раба явственно выступали на его облике, и ложь... начинала пускать свои корни в его смятенную и дрожащую душу» (679). Автор делится своими наблюдениями о том, как происходил «процесс духовного растрепывания», как люди переставали ценить свою жизнь («Здесь можно было наблюдать все виды отчаяния... и цинического наплеватьства на все на свете, в том числе и на собственную жизнь» (680)). Однако в таких условиях встречались и сильные люди, которые были незначительны в нормальной жизни – «Эти порядочные до ареста были совсем маленькими, скромными винтиками» (680). Автор раскрывает истину о том, что в тюрьме человек становится настоящим, в тюрьме у человека пропадают все социальные маски.

Здесь впервые встречается образ фантастической реальности: «Средний человек напуганный и сбитый с толку той фантастической действительностью, в которую он внезапно попадал, терял особенности, присущие ему на свободе» (680). Автор пишет о возможности человека лишиться своей личности, человеческого облика. Потеря личности происходит у изначально слабых духом людей. Автор перечисляет озверевших людей, разложение человека происходит на физическом и духовном уровнях: «<...> потерял всякий облик человеческий, метался по камере, царапал грудь каким-то гвоздем <...>» (680) или «Эстет, сноб и гурман в обычной жизни, он быстро нашел со следователями общий язык и за пачку папирос подписывал любые показания» (680).

Повседневность одновременно изображена гротескно и абсолютно реалистично. Гротеск заключается в образе заключенных, трансформирующийся в жужжащий муравейник. Реалистичность же явлена в

тягучем и однообразном быту заключенных, где элементарные повседневные дела (пришить пуговицу, сходить в уборную и др.) заключенным тяжело давалось. Однако ночное время – время пыток – становится настоящим ужасом. Ночь наполнена воплями и стонами избиваемых, звуками включенных моторов, которые призваны заглушить крики: «Немой ужас снова появлялся в глазах заключенных» (682). Воспоминания о ночных допросах дополняются прямой речью, что усиливает экспрессию реальности происходящего.

Отличие двух частей очерка заключается в преобладании переживания за заключенных. Находясь в одном месте с разными людьми, в том числе и с людьми, близкими по духу / деятельности, автор как бы «зеркалит» их судьбы. Сожаление и сочувствие прослеживаются во фрагменте об интеллигентах: «Мы потом долго ухаживали за этими несчастными, прикладывая холодные компрессы и отпаивая их водой» (682). Автор не только фактологично перечисляет все пытки, как делал ранее, он создает портрет интеллигентов в положительной коннотации, а именно, как честных, умных и талантливых людей. Автор не может понять такого жестокого обращения с людьми честными и благородными. Не выдерживая накала, он впервые характеризует следователя как следователя-садиста.

Весь ужас ареста и тюрьмы Заболоцкий не может осознать и принять: мир пыток и садизма кажется чем-то фантастическим. Передается осознание невозможности происходящего как реальности. Фантасмагория мира заключенных изображена, как говорилось ранее, с помощью гротеска и с помощью сарказма: «Два молодца лупили его (заключенного) резиновыми дубинками, завернутыми газетами <...>» (683). Автор прямо задается вопросом: «Чем объяснили заключенные эти вопиющие извращения в следственном деле? <...>» (683). Заключенные, верящие своему государству, «преданные делу социализма», могли только обвинять фашистов. Автор возвращается в настоящее время и дает ремарку: «Только теперь <...> жизнь, наконец, показала мне, в чем мы били правы и в чем заблуждались...» (684).

Только спустя несколько лет после заключения поэт понимает, что фашизм – следствие власти страны. Заболоцкий находит «генетическое родство между лагерной и государственной системами»¹⁸². Данная ремарка показательна, т.к. очерк становится не только описанием произошедшего, но и осознанием/размышлением прошлого и настоящего. «История моего заключения» – урок жизни, способный повлиять и на читателя.

Наряду с гротескным описанием жизни в камере, где люди превращаются в одно уродливое целое, ярко выражена мысль о бренности человека: «Старый морской волк, привыкший смотреть в глаза смерти, теперь он был беспомощен, как ребенок» (684).

Перед отправкой Николая Заболоцкого в лагерь состоялось долгожданное свидание с женой. В нем так же, как и перед первой разлукой, присутствует трепетное ощущение любви и нежности. В небольшом абзаце образ жены наделен силой и стойкостью духа: «Жена держалась благоразумно, хотя ее с маленькими детьми уже выслали из города <...> Мы расстались, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь...» (684). Использование многоточия усиливает эмоциональное напряжение, связанное с последней встречей с семьей и неизвестностью будущего.

Следующий эпизод – сибирский этап до Дальнего Востока. Лагеря, в представлении автора, есть большое испытание, огромная вселенная со своими правилами жизни: «Целая одиссея фантастических переживаний» (685). И снова автор характеризует этап как нечто фантастическое, где заключенные превращаются в сказочных персонажей, в сверхъестественных злодеев. Этап – кульминация расчеловечивания заключенных. Вновь из описания запредельного количества заключенных в сжатом пространстве холодного вагона создается образ чудовищного организма, нацеленного на физиологическое существование: «Все заботы человека сводились лишь к

¹⁸² Запезалов В.Н. «История моего заключения» Н. А. Заболоцкого в литературном контексте 1970–1990 года. СПб., 2003. С. 38.

тому, чтобы не умереть от голода и жажды <...>, подобно зачумленной собаке» (685).

Появляется новый образ заключенных – уголовники. М. Пьяных отмечает: «Единоборство с тюремщиками пережил как герой высокой трагедии, способный путем предельного, исключительного напряжения духовных сил победить смерть и ее носителей»¹⁸³. Несмотря на опасность проживания двух разных групп, автор представляет уголовников не упрощенно, принимая уникальность образа жизни этой группы, т.к. они в какой-то степени храбро и смело шли против устоев и правил общества: «Эти люди жили по своим собственным законам, и законы их были крепче, чем законы любого государства» (686). Но уголовники не описаны романтически, они ненавидят политических арестантов и готовы в любой момент убить заключенных. Однако две группы превращались в единый организм во время проверок начальства или во время посещения бани. И снова арестованные расчеловечиваются в бесов, а баня превращается в преисподнюю. При этом описание местности весьма живописно: «Видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную занесенную снегом тайгу, <...> фантастические отвесные скалы байкальского побережья...» (688). Парадоксальное сосуществование красоты природы и конфликтно уродству человеческого общежития.

«История моего заключения» противоположна «Ранним годам» своим суровым тоном констатации факта, констатации насилия и жестокой несправедливости с добавлением емких оценочных суждений автора. В каждой из частей подробно на физиологическом уровне описаны издевательства над поэтом. В таких условиях человек способен лишь защищаться, не дать себе умереть. Человек превращается в животное с инстинктом самосохранения. Во второй части эта метаморфоза развивается. Озверение людей, где человек теряет свою личину и доходит до безумия, веря в ложь и отвергая истину, изображается жестко.

¹⁸³ Пьяных М.Ф. Трагическое в метаморфозах Николая Заболоцкого. СПб., 2003. С. 51.

«История моего заключения» – это одновременно документальный очерк, свидетельство выжившего и вместе с тем попытка осознать произошедшее через реконструкцию прошлого. Воспоминания даже спустя время представлены как фантасмагория. Краткость описания не отделена от четкого ощущения ужаса и несправедливости происходящего. Художественное преобразование жизни возможно лишь в сдержанном повествовании. «История моего заключения» – «не проза документа, а проза, выстраданная как документ»¹⁸⁴.

Автобиографическая проза XX в. становится центральным жанром литературы, который способен транслировать как изменения в мире, так и внутреннее состояние той или иной личности, его убеждения и идеи. Жанр довольно неоднородный, т.к. в себе объединяет несколько противоположных черт, в первую очередь, достоверность и вымысел, документальность и художественность. Автобиография любого автора уникальна и отличается от автобиографии других. Проза данного жанра Н. Заболоцкого весьма отлична от общего представления. Автобиографическая проза поэта находится на периферии фактологического свидетельства и художественной рефлексии. Четко обозначить доминирующее направление жанра невозможно, т.к. все три автобиографических очерка, обладающие схожестью и принадлежностью к одному жанру, все же отличаются друг от друга. Расхожесть заключается в целеустановки автора того или иного очерка. «Автобиография» 1948 г. – абсолютное документальное свидетельство жизни одной личности, необходимое для вступления в Союз писателей. «Ранние годы» 1955 г. – стремление сохранить память о прошлом и раскрыть истоки становления себя как поэта. «История моего заключения» 1956 года – художественная повествования, в котором с максимальной силой реалистического взгляда на мир изображена фантасмагория тоталитарного режима с его действенными попытками убить человеческое в человеке.

¹⁸⁴ Запевалов В.Н. «История моего заключения» Н. А. Заболоцкого в литературном контексте 1970–1990 года. СПб., 2003. С. 35.

Заключение

Творческое наследие Н. Заболоцкого разнообразно и содержит в себе как поэтические произведения, так и прозаические. Это можно объяснить самой личностью поэта как вечно стремящегося к поиску истине и, соответственно, эксперименту с формой и мыслью. Проза поэта остается в тени в связи с ее неизвестностью широкому кругу читателей и редкими публикациями.

Данное исследование показало, что проза поэта имеет самостоятельную значимость и обладает своей системностью и структурностью. Возможно выделить три основных жанра прозы поэта: литературно–критические статьи, эпистолярный и автобиографическая проза.

Проза Н. Заболоцкого изначально документальна и фактологична, что определенным образом отличает ее от традиционного понимания феномена «Проза поэта».

Литературно–критические статьи посвящены литературным реалиям и фактам, художниками разных времен и национальных культур. В работе выделены и проанализированы статьи 1920-х гг. и периода ОБЭРИУ, поздние работы поэта, обращенные к молодым авторам, а также статьи, посвященные переводческой деятельности. Поэт-филолог в своих литературно–критических статьях не только предлагает оригинальную трактовку чужого творчества, но транслирует свой взгляд на искусство и мир. В филологических работах, являются ли они манифестом ОБЭРИУ или переложением «Слова о полку Игореве», Н. Заболоцкий, поэт-экспериментатор, настойчиво утверждает смысло-содержательную составляющую искусства, и это стало, возможно, одним из главных открытий первой главы работы.

Во второй главе исследования, посвященной эпистолярному наследию, показано, как через обращение к другому / другим раскрываются не только эстетические, творческие принципы, уточняются факты жизненной судьбы, но открывается личность поэта, которую не всегда можно «считать» с его поэтических страниц, особенно периода «Столбцов» или книг переводов.

Эпистолярное наследие, разделенное на дружеские и семейные письма, письма, обладающие историко-литературным значением, письма из заключения, все это – откровенное раскрытие собственного «Я», здесь поэт сам говорит о себе, делится своими переживаниями и размышлениями.

В исследовании обнаружена связь писем с другими жанрами. Анализ эпистолярного наследия поэта в контексте жанровой системы его прозы, показало, что, с одной стороны, в письмах видно начало основного круга проблем, заботящих Н. Заболоцкого всю жизнь: от сугубо лично-бытовых до художественно-эстетических, с другой, нередко именно в письмах поэт предлагает отточенные формулы своего творческого кредо.

Исследование автобиографической прозы, проведенное в третьей главе, показало уникальность и отличия прозы Н. Заболоцкого в соотнесенности с автобиографической прозой в ее классическом понимании. Писать автобиографическую прозу Н. Заболоцкий решает только в конце своей жизни, ощущая необходимость ее зафиксировать, возможно, имея в виду будущие поколения. Автобиографическая проза, исследуемая в аспекте ее явственного и быстрого изменения от прагматико-фактографической «Автобиографии» через включения художественных элементов в воспоминаниях о детстве и молодости в очерке «Ранние годы» до реалистического изображения тотальной несвободы с явным использованием приемов абсурдистской поэтики в «История моего заключения», дала возможность писать о том, что Н. Заболоцкий позднего периода творчества в своей прозе свободно совмещал свою прозрачную ясность поэзии последнего периода жизни с авангардными обретениями двадцатых-тридцатых годов.

Исследование показало, как проза Н. Заболоцкого влияет на понимание не только творческого кредо, но личности поэта. Дальнейшее исследование прозы поэта может идти путем системного анализа ее связи с его поэтическим наследием.

Список использованной литературы

I. Источники

1. Воспоминания о Заболоцком / Сост.: Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов, Н. Н. Заболоцкий. – М.: Советский писатель, 1984. – 464 с.
2. Заболоцкий Н. А. Избранные произведения : в 2 т. / Н.А. Заболоцкий; вступ. статья Н. Л. Степанов ; примеч. Е.Заболоцкой. – М.: Худож. лит., 1972.
3. Заболоцкий Н. А. История моего заключения / Н. А. Заболоцкий // Минувшее: Исторический альманах. – Paris: Atheneum, 1986. – С. 310–333.
4. Заболоцкий Н. А. Картины Дальнего Востока / Н. А. Заболоцкий // Заболоцкий Н. А. Избранные произведения : в 2 т. / вступ. статья Н. Л. Степанов ; примеч. Е.Заболоцкой. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 224–227.
5. Заболоцкий Н. А. Лагерные письма / Н. А. Заболоцкий // Рубеж: Тихоокеанский альманах. – Владивосток, 2012. – С. 240–300.
6. Заболоцкий Н. А. Метаморфозы / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. И.Е. Лощилова. – М.: ОГИ, 2019. – 1008 с.
7. Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: в 3 т. / Сост. Е. Заболоцкая, Н. Н. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 1. – 658 с.
8. Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: в 3 т. / Сост. Е. Заболоцкая, Н. Н. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 3. – 415 с.
9. Заболоцкий Н. А. 100 писем 1938-1945 года / Н. А. Заболоцкий // Метаморфозы / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. И.Е. Лощилова // М.: ОГИ, 2019. – С. 689–803.
10. Заболоцкий Н. А. Из литературного наследия / Н. А. Заболоцкий // Вопросы литературы. – 1969. – №1. – URL: <https://voplit.ru/article/rabota-n-zabolotskogo-nad-perevodom-slova-o-polku-igorem-kommentarii-d-lihacheva-i-n-stepanova/> (дата обращения: 31.05.2024).
11. Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого / Н. Н. Заболоцкий. – М.: Согласие, 1998. – 592 с.

12. Zabolotsky N. A. The story of my Imprisonment / N. A. Zabolotsky ; Trans. by R.R. Milner-Gulland // Times Literary Supplement. – London: Harper Collins, 1981. – P. 1179–1181.

II. Исследования

13. Аксенова А. Е. «100 писем 1938–1944 года» Н. Заболоцкого как пролог поздней лирики поэта / А. Е. Аксенова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. – 2022. – № 5. – С. 143–147.

14. Аксенова А. Е. «История моего заключения» Н. Заболоцкого: факт как Фантасмагория / А. Е. Аксенова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. – 2021. – № 4. – С. 120–123.

15. Аксенова А. Е. «История моего заключения» Н. Заболоцкого: характер авторской оценки / А. Е. Аксенова, Т. А. Снигирева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – 2021. – С. 6–7.

16. Аксенова А. Е. «Проза Н. Заболоцкого: характер автобиографизма» Н. Заболоцкого как пролог поздней лирики поэта / А. Е. Аксенова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. – 2023. – №6. – С. 137–140.

17. Аксенова А. Е. Жанровая палитра прозы Н. Заболоцкого / А.Е. Аксенова // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве. – 2022. – Часть 1. – С. 292–301.

18. Алешка Т. «Все, что было в душе» / Т. Алешка // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 263–268.

19. Альфонсов В. Н. Заболоцкий и живопись / В. Н. Альфонсов // Н.А. Заболоцкий : Pro et contra: Личность и творчество Н. А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей: Антология / ред. Д. К. Бурлака. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 547–586. – URL:

<https://web.archive.org/web/20080601115936/http://novruslit.ru/library/?p=12>

(дата обращения: 31.05.2024).

20. Бек Т. А. Николай Заболоцкий: далее везде / Т. А. Бек // Знамя. – 2003. – №11. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2182> (дата обращения: 31.05.2024).

21. Белоусова О. О. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении / О. О. Белоусова, О. А. Дашевская // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 6–14.

22. Белый А. А. Поиск «нового зрения»: скрытый спор Заболоцкого с Пушкиным / А. А. Белый // «И ты причастен был к сознанию моему...»: Проблемы творчества Николая Заболоцкого / Сост. Г. А. Белая, А. А. Белый, С. С. Бойко. – М.: РГГУ, 2005. – С. 129–142.

23. Бойко С.С. «Непрожеванное представление о мироздании»: Николай Заболоцкий в послевоенной критике / С. С. Бойко // «И ты причастен был к сознанию моему...»: Проблемы творчества Николая Заболоцкого/ Сост. Г. А. Белая, А. А. Белый, С. С. Бойко. – М.: РГГУ, 2005. – С. 129–142.

24. Бродский И. А. Поэт и проза / И. А. Бродский // Цветаева М.И. Избранная проза / М. И. Цветаева. Предисловие И. А. Бродского. – New York : Russia Publishers, 1979. - URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/poet-i-proza-1979.html> (дата обращения: 31.05.2024).

25. Бутова А. В. Творчество Николая Заболоцкого в контексте русской литературной традиции / А. В. Бутова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №29. – С. 9–12.

26. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 320 с.

27. Васильева Т. В. Жанровый синтез в русской классической прозе конца XIX – начала XX вв.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Т. В. Васильева – М., 2011. – 20 с.

28. Воробьева Т. А. Тютчевские реминисценции в поэзии Н. А. Заболоцкого / Т. А. Воробьева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2009. – №3. – С. 44–46.
29. Ганцаук Т. А. Натурфилософский аспект поздней лирики Иосифа Бродского и Николая Заболоцкого / Т. А. Ганцаук // Утренняя заря: молодежный литературоведческий альманах. – 2018. – №8. – С. 99–104.
30. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / ред. Н. Г. Михайлова. – М.: Наука, 1993. – С. 28–82.
31. Гельфонд М. М. Боратынский в прочтении Н. Заболоцкого: поэтика элегии и гротеска / М. М. Гельфонд // Новый филологический вестник. – 2009. – №2. – С. 56–67.
32. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1964. – 380 с.
33. Грицай Л. А. Понимание любви как смысложизненной ценности в лирике Н. Заболоцкого / Л. А. Грицай // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации / ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза.: Наука и Просвещение, 2019. – С. 28–36.
34. Гумеров Р. А. «Автобиографикции» как отражение духовной атмосферы в России в начале XX в. / Р. А. Гумеров, Г. Н. Кулагина, Н. П. Ячина // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 97–100.
35. Данин Д. С. Два слова о прозе М. Цветаевой / Д.С. Данин // Марина Цветаева в критике современников / Сост. Мнухина Л. А. – М.: Аграф, 2003. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/moj-pushkin.htm>. (дата обращения: 31.05.2024).
36. Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.08 / М. Н. Дарвин. – Екатеринбург, 1996. – 43 с.

37. Демина Л. И. Лирический конфликт в поэзии 50-х годов 20 века / Л. И. Демина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2007. – №2. – С. 169–176.
38. Джимбинов С. Ранний и поздний Заболоцкий / С. Джимбинов // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 57–60.
39. Долинский В. Заболоцкий и метафизика сознания / В. Долинский // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 90–102.
40. Доминенко Н. В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма / Н. В. Доминенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2014. – №1. – С. 139–144.
41. Дьячкова Е. «Желаю знать величину вселенной» / Е. Дьячкова // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 158–167.
42. Екутч У. Осень и зима: конструкции старости в поэзии Николая Заболоцкого / У. Екутч // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – №1. – С. 118–124.
43. Ермолинский С. А. Из записок разных лет // С. А. Ермолинский. – М.: Искусство, 1990. – 256 с.
44. Заболоцкий Н. Н. Понятие «Души природы» в поэзии Н. А. Заболоцкого / Н. Н. Заболоцкий // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 9–17.
45. Запевалов В. Н. «История моего заключения» Н. А. Заболоцкого в литературном контексте 1970–1990 года / В. Н. Запевалов // Николай

Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 32–40.

46. Иванов Ю. П. «Одиссея фантастических переживаний» (Тюремно-лагерная тема в творчестве Н.А. Заболоцкого) / Ю. П. Иванов // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 20–32.

47. Иванова Е. А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии / Е. А. Иванова // Известия Саратовского университета. – 2012. – №1. – С. 43–47.

48. Иващенко Е. Г. Эволюция литературного билингвизма в творчестве В. Набокова : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Е. Г. Иващенко. – М., 2004. – 18 с.

49. Игошева Т. В. Проблема творческой эволюции Н. А. Заболоцкого / Т. В. Игошева. – Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. – 120 с.

50. Казакова И. Б. Проблема гармонии природы в творчестве Н. А. Заболоцкого: философский и религиозный контекст / И. Б. Казакова // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – №2. – С. 322–336.

51. Казакова И. Б. Традиции античной дидактической поэзии в творчестве И. В. Гете и Н. А. Заболоцкого / И. Б. Казакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №6 – С. 265–269.

52. Кирякова Е. М. Автобиографическое повествование в книге Павла Улитина «Разговор о рыбе» / Е. М. Кирякова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. – 2023. – №6.

53. Киселева В. А. Мотив в лирическом цикле: принципы исследования / В. А. Киселева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – №3. – С. 78–82.

54. Коновалова А. «Реальное искусство» Н. Заболоцкого и эстетика обэриутов / А. Коновалова // Бельские просторы. – 2004. – №12. – URL: http://www.hrono.ru/text/2004/kono12_04.html (дата обращения: 31.05.2024).
55. Коптева Г. Г. К вопросу о мотиве прозрения в творчестве Николая Заболоцкого / Г. Г. Коптева // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание / ред. И.В. Безгинова. – Челябинск: ЮУрГИИ, 2013. – С. 103–109.
56. Коптева Г. Г. О параболе пространства в художественном мире Н. Заболоцкого / Г. Г. Коптева // Евразийский союз ученых. – 2014. – №7. – С. 42–44.
57. Корниенко Н. «И любовь, и песни до конца» / Н. Корниенко // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 113–134.
58. Коробова Е. В. Жанр письма в русской литературе / Е. В. Коробова // Вестник Курганского государственного университета. – 2020. – №1. – С. 22–29.
59. Косарева Л. А. К вопросу о «безличностной» поэзии А. Твардовского и Н. Заболоцкого / Л. А. Косарева // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – №1. – С. 144–149.
60. Красильникова Е. Душа и тело. Мир поэзии Н. А. Заболоцкого / Е. Красильникова // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 280–290.
61. Красильникова Е. Мир природы в поэзии Н.А. Заболоцкого / Е. Красильникова // «И ты причастен был к сознанию моему...»: Проблемы творчества Николая Заболоцкого. / Сост. Г. А. Белая, А. А. Белый, С. С. Бойко. – М.: РГГУ, 2005. – С. 107–112.

62. Краснова Н. А. К проблематике анализа системы мотивов художественного произведения / Н. А. Краснова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 6. – С. 245–250.
63. Куницын О. И. О некоторых чертах поэтического творчества Николая Заболоцкого / О. И. Куницын // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2017. – № 1. – С. 40–56.
64. Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве поэтов-обэриутов / В. В. Курьянова // Вестник славянских культур. – 2020. – №67. – С. 160–169.
65. Лейдерман Н. Л. Лики просты (Об эволюции эстетических принципов Н. Заболоцкого) / Н. Л. Лейдерман // Филологический класс. – 2003. – № 10. – С. 41–44.
66. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 904 с.
67. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / ред. Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин, В. Львов-Рогачевский, М. Розанов, В. Чешихин-Ветринский. – М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1925. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-a832.htm> (дата обращения: 31.05.2024).
68. Лотман Ю. М. Проблема сюжета / Ю. М. Лотман // Структура художественного текста / ред. А. Гуревич. – М.: Искусство, 1970. – С. 280–289.
69. Лотман Ю. М. Н.А. Заболоцкий. Прохожий / Ю. М. Лотман // Анализ поэтического текста. Структура стиха. Пособие для студентов. / ред. А. А. Крундышев. – Л.: Просвещение, 1972. – С. 256–270.
70. Лотман Ю. М. Проблема поэтического сюжета / Ю. М. Лотман // Анализ поэтического текста. Структура стиха. Пособие для студентов. / ред. А. А. Крундышев. – Л.: Просвещение, 1972. – С. 103–106.
71. Лоцилов И. Е. Автобиографическая проза Николая Заболоцкого и проблемы её комментирования / И. Е. Лоцилов // Герценка: вятские записки.

– 2011. – № 20. – URL:
https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number20&ELEMENT=gerzenka20_2_6 (дата обращения: 31.05.2024).

72. Лоцилов И. Е. «Увидавшие небо стада»: о классическом и неклассическом источниках стихотворениях Николая Заболоцкого «Гроза» (1946) / И. Е. Лоцилов // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2003. – № 1. – С. 40–43.

73. Лоцилов И. Е. О некоторых неочевидных источниках поэтического мира Н. Заболоцкого: два сюжета / И.Е. Лоцилов // Культура и текст. – 2005. – № 9. – С. 67–75.

74. Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы / А. Македонов. – Л.: Советский писатель, 1987. – 368 с.

75. Малкина В. Я. Лирический сюжет в стихотворении Н.А. Заболоцкого «Это было давно» / В. Я. Малкина // Вестник РГГУ. – 2008. – №9. – С. 75–82.

76. Меньшиков Т. В. Философия природы в творчестве Н. А. Заболоцкого / Т. В. Меньшиков // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 162–167.

77. Мокрецова Н. М. Особенности репрезентации воспоминаний в дискурсе автобиографической прозы / Н. М. Мокрецова // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 88. – С. 68–69.

78. Мягков Б. С. Тайны «Тайного друга» и «Театрального романа» / Б. С. Мягков // Булгаковская Москва. – М.: Московский рабочий, 1993. – URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/bulgakovskaya-moskva/p5> (дата обращения: 31.05.2024).

79. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. – М : ФЛИНТА, 2022. – 424 с.

80. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. – 680 с.

81. Остренкова М. А. Конструктивная функция сравнения в текстах стихотворений Н. Заболоцкого / М. А. Остренкова // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – №4. – С. 37–40.
82. Павловский А. И. Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским / А. И. Павловский // Русская литература. – 1964. – № 3. – С. 219–226.
83. Павловский А. И. Поэтическая натурфилософия / А. И. Павловский // Советская философская поэзия : очерки / ред. Ковалев В. А. – Л.: Наука, 1984. – С. 15–83.
84. Панфилов А. Заболоцкий против Заболоцкого? / А. Панфилов // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 74–79.
85. Пелихова А. А. Личностная самоидентификация в автобиографической прозе О. Мандельштама и Б. Пастернака / А. А. Пелихова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №3.
86. Перемышлев Е. Н. Заболоцкий: от «Людейникова» до «Прощания с друзьями» / Е. Н. Перемышлев // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 178–185.
87. Пьяных М. Ф. Трагические в метаморфозах Николая Заболоцкого / М. Ф. Пьяных // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 50–56.
88. Рипеллино А. М. Дневник с Заболоцким / А. М. Рипеллино // *La letteratura come itinerario nel meraviglioso* / пер. с итал. Массимо Маурицио. – Torino: Giulio Einaudi Editore, 1968. – URL: <http://loshch.livejournal.com/54638.html> (дата обращения: 31.05.2024).

89. Роднянская И. Поэзия Николая Заболоцкого / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 1959. – №1. – С. 121–137. – URL: <https://loshch.livejournal.com/34969.html> (дата обращения: 31.05.2024).
90. Роднянская И. Б. «Столбцы» Николая Заболоцкого в художественной ситуации двадцатых годов / И. Б. Роднянская // Движение литературы. – М., 2006. – URL: <https://litved.com/docs/Rodnyanskaya-1-2006-v.pdf>.
91. Роскина Н. А. Николай Заболоцкий / Н. Роскина // Четыре главы: Из литературных воспоминаний / Н. А. Роскина. – Paris: YMCA-PRESS, 1980. – С. 61–98. – URL: <http://loshch.livejournal.com/18422.html> (дата обращения: 31.05.2024).
92. Ростовцева И. И. Заболоцкий – в традиции / И. Ростовцева // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 17–27.
93. Ростовцева И. И. Николай Заболоцкий: литературный портрет / И. И. Ростовцева. – М.: Советская Россия, 1976. – 119 с.
94. Ростовцева И. И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания / И. И. Ростовцева. – М.: Современник, 1984. – 303 с.
95. Рыжкова-Гришина Л. В. Психологизм пейзажа Н. А. Заболоцкого / Л. В. Рыжкова-Гришина // Российский научный журнал. – 2015. – №3. – С. 208–211.
96. Саломатин А. В. Выражение поэтического кредо в стихах позднего Н. Заболоцкого / А. В. Саломатин // Ученые записки казанского университета. – 2014. – №2. – С. 106–114.
97. Сапина Д. В. Гулаг в судьбе и творчестве Н. Заболоцкого / Д. В. Сапина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 113–120.

98. Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности / Ю. Л. Сапожникова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2012. – №2. – С. 54–56.
99. Силантьев И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
100. Слободнюк С. Л. «Сны разума» в художественном мире Н.А. Заболоцкого / С. Л. Слободнюк // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 75–83.
101. Смоленцев А. Художественный мир Заболоцкого в контексте Библии / А. Смоленцев // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 60–74.
102. Снигирева Т. А. «И тоны музыки земной»: натурфилософия итоговых книг русской лирики / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов // Век девятнадцатый и век двадцатый русской литературы: реальности диалога / ред. Е. В. Березина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. – С. 169–183.
103. Соколова Л. В. Идея гармонии и пути ее художественной реализации в поэзии С. А. Есенина и Н. А. Заболоцкого / Л. В. Соколова // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 125–133.
104. Степанян Е. Заболоцкий: форма, перспектива, свет / Е. Степанян // «И ты причастен был к сознанию моему...»: Проблемы творчества Николая Заболоцкого. / Сост. Г. А. Белая, А. А. Белый, С. С. Бойко. – М.: РГГУ, 2005. – С. 92–107.
105. Стояновский М. Ю. Николай Заболоцкий и образный мир русского символизма / М. Ю. Стояновский // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества / ред.-сост. Е. В. Дьячкова, С. В. Кочерина. – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2005. – С. 171–178.

106. Сырнева С. Еще один мальчик из Уржума: О двух стихотворениях Н. А. Заболоцкого / С. Сырнева // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 167–171.
107. Талицкая А. А. Концепт «жизнь» в художественном тексте (на материале поэзии Н. А. Заболоцкого) / А. А. Талицкая // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – №3. – С. 67–72.
108. Турков А. М. Николай Заболоцкий / А. М. Турков. – М.: Просвещение, 1966. – 143 с.
109. Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» / Ю. Н. Тынянов // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 1975. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/tynyanov-o-kompozicii-evgeniya-onegina.htm> (дата обращения: 31.05.2024).
110. Федоров В. С. «Смерть и бытие» в философской лирике Н. Заболоцкого / В. С. Федоров // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2005. – №4. – С. 9–12.
111. Федоров В. С. Мыслитель позднего культурного Ренессанса: философская лирика Н. Заболоцкого / В. С. Федоров // Вестник Вятского государственного института. – 2009. – №4. – С. 126–131.
112. Федоров В. С. Натурфилософские аспекты поэзии Н. А. Заболоцкого / В. С. Федоров // Вестник развития наук и образования. – 2017. – №1. – С. 54–60.
113. Фесенко О. П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №11. – С. 132–143.
114. Филиппов Б. Путь поэта / Б. Филиппов // Заболоцкий Н. А. Стихотворения / ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппов. – Washington: Inter-Language Literary Associates, 1965. – С. 27–58. – URL: <http://loshch.livejournal.com/20397.html#cutid1> (дата обращения: 31.05.2024).

115. Хализев В. Е. Мотив / В. Е. Хализев // Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 172–174.
116. Цветаева М. Поэты с историей и поэты без истории / М. Цветаева. – Кламар, 1933. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/poety-s-istoriej-i-bez.htm> (дата обращения: 31.05.2024).
117. Чуковский К. И. О том, что видел: Воспоминания. Письма. / К.И. Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 2005. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=210936&p=70> (дата обращения: 31.05.2024).
118. Шмид В. Проза и поэзия в «Повестях Белкина» / В. Шмид // Известия. Серия литературы и языка. – 1989. – №4. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/shmid-proza-kak-poeziya/proza-i-poeziya-v-povestyah-belkina.htm> (дата обращения: 31.05.2024).
119. Шошин В. А. Николай Заболоцкий и Грузия / В. А. Шошин // Николай Заболоцкий и его литературное окружение / ред. Н. А. Никитина. – СПб: Наука, 2003. – С. 40–50.
120. Эйхенбаум Б. М. Путь Пушкина к прозе / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 214–230. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ejhenbaum-put-pushkina-k-proze.htm> (дата обращения: 31.05.2024).
121. Эткинд Е. В поисках человека (Путь Николая Заболоцкого: от неофутуризма к «поэзии души») / Е. Эткинд // Психопоэтика. – СПб: Искусство-СПБ, 2005. – 704 с.
122. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р.О. Якобсон // Работы по поэтике // Ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324–338.
123. Goldstein Darra Nikolai Zabolotskij: Play for Mortal Stakes / Darra Goldstein. – Cambridge : University Press, 1993. – 306 p.
124. Butova A. The peculiarities of Zabolotsky's poetic discourse / A. Butova, A. Dubskikh, E. Lomakina // International Conference on Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era. – Les Ulis: EDP Sciences, 2018. – P. 1–5.

125. Kopteva G. The theme and problem of beauty in the poetics of Nikolay Zabolotsky / G. Kopteva. – Prague: The Scientific Heritage, 2021. – P. 54–56.